

Н. Г. СТОЙКО

**НЕДОКАЗАННОСТЬ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
УГОЛОВНОГО
ДЕЛА**

Издательство
Красноярского университета
Красноярск 1984

ББК Х628.103

Стойко Н. Л. Недоказанность обстоятельств уголовного дела.— Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. - 104 с.

. В монографии дана развернутая характеристика недоказанности обстоятельств уголовного дела, мотивирована необходимость двух новых оснований прекращения дела. Рассмотрены вопросы, связанные с достижением истины в уголовном судопроизводстве. Вносятся ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических институтов и факультетов, работников правоохранительных органов.

Научный редактор д-р юрид. наук, проф. *В. Д. Арсеньев*

Рецензенты:

заслуженный деятель науки РСФСР, проф. *Я. С. Алексеев,*

Заслуженный юрист РСФСР, ст. советник юстиции *В. Т. Березин*

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Красноярского университета

ВВЕДЕНИЕ

Наше общество вступило в более высокий этап развития социалистической демократии¹. Яркое свидетельство тому — новая Конституция СССР, отразившая «наиболее существенные изменения в экономической, социальной и духовной жизни советского общества, глубокий демократизм общенародного государства...»².

Вместе с тем дальнейшее развитие социалистической демократии немислимо без постоянного укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, усиления режима социалистической законности, совершенствования законодательства.

«Партия,— говорится в Программе КПСС,— ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, всех причин, ее порождающих»³.

В условиях развитого социализма, когда завершается «перестройка всех общественных отношений на внутренне присущих новому строю коллективистских началах»⁴, выполнение этой задачи неразрывно связано с всесторонним развитием всей нашей политической и экономической системы. Ибо сейчас «все теснее становится взаимосвязь прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества»⁵. Именно поэтому «главное в борьбе с преступностью при социализме — решение крупных социально-экономических и культурно-воспитательных задач»⁶.

Однако и в чисто юридическом плане борьба с преступностью имеет большое значение. Здесь она разветвляется во многих направлениях государственной деятельности, прежде всего правотворческой и правоприменительной, включая строжайшее соблюдение законности в работе органов проку-

ратуры, суда и предварительного расследования, а также всемерную охрану прав и законных интересов граждан в судопроизводстве⁷.

«..Мы уделяли и будем впредь уделять,— подчеркивалось на XXV съезде КПСС,—постоянное внимание совершенствованию деятельности милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан»⁸,

Подтверждение тому — постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка (1965 г.), «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» (1970 г.) и «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» (1979 г.), в которых определяются задачи и намечаются конкретные меры по улучшению и повышению эффективности работы правоохранительных органов.

При этом во главу угла партией ставится «конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях»⁹. Это начало и конечный пункт работы любого органа нашего государства, любого должностного лица. Вот почему «высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции»¹⁰, вот почему «советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной»¹¹.

К сожалению, у нас до сих пор еще не изжиты случаи нарушения законности самими правоохранительными органами, нередко преступления остаются нераскрытыми¹², а уголовные дела оканчиваются ввиду недоказанности их фактических обстоятельств.

В то же время не все обстоятельства, недоказанность которых влечет окончание производства по делу, отражены в законе. На практике и в теории нет достаточно четкого разграничения реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания).

В результате, если, по официальным данным, в Красноярском крае в период с 1969 по 1979 гг. число дел, прекращенных за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, составило в среднем 0,7% (к общему числу таких дел), то, по данным выборочного исследования, за указанный период 800 аналогичных дел — 23% (с учетом всех фактических случаев недоказанности обстоятельств,

подлежащих установлению). Заметной тенденции к уменьшению удельного веса таких дел не обнаружено.

Сказанное, на наш взгляд, определяет актуальность настоящего, исследования, цель которого состоит в изучении недоказанности обстоятельств уголовного дела под углом зрения: а) соотношения принципиальной возможности познания действительности в уголовном процессе и реализации этой возможности соответствующими органами; б) обеспечения эффективности уголовно-процессуального доказывания; в) достижения единообразия в практике прекращения уголовных дел (оправдания) по реабилитирующим основаниям; г) охраны и восстановления нарушенных прав и интересов граждан.

При этом недоказанность обстоятельств уголовного дела не исследуется в работе в соотношении с приостановлением уголовных дел. Однако это не исключает определенного значения работы и для изучения данного вопроса в силу его взаимосвязи с проблемой прекращения уголовных дел (оправдания) по реабилитирующим основаниям.

Кроме того, схожесть причин, вызывающих недоказанность обстоятельств дела в различных стадиях уголовного процесса, и наибольшее проявление этих причин на предварительном следствии и дознании обусловили возможность и целесообразность использования в работе практических материалов, главным образом указанного этапа. Но это не наносит ущерба исследованию вопросов, касающихся и других стадий процесса.

Несмотря на отмеченные выше ограничения предмета исследования, изучение поставленных вопросов позволяет:

а) дать развернутую характеристику недоказанности обстоятельств уголовного дела как состояния доказывания;

б) установить необходимость двух новых оснований прекращения дела (оправдания) — недоказанности и отсутствия вины обвиняемого в совершении инкриминируемого ему деяния;

в) выработать систему, показателей деятельности следователя или суда как основу для выяснения причин недоказанности обстоятельств дела и определения путей их устранения;

г) выдвинуть предложения по совершенствованию и применению действующего законодательства о реабилитирующих основаниях окончания производства по уголовному делу.

Глава I. ПОНЯТИЕ НЕДОКАЗАННОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

§ 1. Уголовно-процессуальное доказывание и недоказанность обстоятельств уголовного дела

«Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование— это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге»¹³.

Наука и практика ставят данное методологическое положение марксизма-ленинизма во главу угла всех областей человеческой деятельности, в том числе и процессуального доказывания. Следовательно, об истинности результата последнего можно судить по правильности и закономерности его получения. Для доказывания важно, соответствует или нет вывод действительности, и то, в силу чего, на каком основании можно говорить об этом.

В настоящее время вышесказанное так или иначе разделяется большинством процессуалистов, хотя в их позициях существуют и некоторые различия. Так, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, Л. Д. Кокорев полагают, что доказывание— это единое понятие, которое можно рассматривать в двух аспектах: как обоснование выводов по делу и как собирание, проверку и оценку доказательств¹⁴. Ф. Н. Фаткуллин понимает под обоснованием элемент единого процесса установления истины в судопроизводстве¹⁵, А. Р. Ратинов и Н. А. Якубович— сторону этого процесса¹⁶.

Как видно, определение соотношения указанных аспектов доказывания во всех приведенных точках зрения различно, причем обращает на себя внимание то, что почти все выше.

указанные авторы разграничивают и даже в какой-то мере противопоставляют обоснование выводов и проверку доказательств по уголовному делу. На наш взгляд, это не совсем правильно по следующим причинам.

Прежде всего необходимо отметить, что, будучи разновидностью познавательной деятельности, доказывание подчинено общим правилам и закономерностям познания: во-первых, в доказывании «действует» диалектика, во-вторых, доказывание, — это диалектическое познание действительности, то есть познание объективной диалектики и соответствующая ей диалектика вещей¹⁷. Иначе говоря, следует различать «диалектику доказывания», заключающуюся в «принудительном» осуществлении в нем законов диалектики, и «диалектическое доказывание», заключающееся в подходе к нему с пониманием законов диалектики.

Не случайно на это обращал внимание Ф. Энгельс: «К диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накапливающимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления»¹⁸.

Данное обстоятельство, но в другом отношении подчеркивал В. И. Ленин: «Мы должны... способствовать сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»¹⁹.

В этой связи принципиально правильным представляется утверждение Л. М. Васильева, что «эффективность познавательной деятельности следователя и суда объективно детерминирована сознательным использованием законов диалектической и формальной логики в данной специфической сфере общественной практики»²⁰.

Сказанное означает, что мыслительная деятельность в доказывании подчиняется законам диалектической (и формальной) логики и по этой причине развивается как теоретическое доказательство. Практическая же деятельность представляет собой объективную диалектику, внутренняя структура которой совпадает с внутренней структурой диалектического мышления в доказывании.

В диалектической логике теоретическое доказательство делится на два этапа: логическое обоснование (построение) и проверка. Под обоснованием понимают построение на ос-

нове исходной идеи определенной теории или теоретической системы, перестройку, развитие этой идеи; под проверкой-окончательное доказательство исходной идеи (непосредственное и практическое подтверждение, объяснение)²¹.

Выражение названных двух моментов теоретического доказательства в уголовном процессе носит специфический характер. Обусловлено это, главным образом, тем, что мыслительная и практическая деятельность в доказывании слиты воедино²². Следовательно, обоснование в уголовном процессе — не только теоретическое, логическое построение, но и соответствующая ему практическая организация доказывания, в связи с чем подтверждение исходной идеи (проверка) в доказывании выступает в единстве, совпадает с его организацией. Речь идет, по всей вероятности, об организации в систему процессуальных действий и доказательств (фактических данных). Это и есть, на наш взгляд, обоснование в уголовном судопроизводстве.

Доказывание, таким образом, может быть представлено в самом общем виде как функционирование и развитие системы «процессуальные действия-доказательства»²³.

Однако, повторяем, в юридической литературе понятия «обоснование» и «проверка» не только разграничены, но и зачастую противопоставлены друг другу как различные характеристики доказывания. При этом никто не обращает внимания на то, что данные понятия близки друг другу в философском смысле, а этимологически, по существу, равнозначны²⁴. Здесь может возникнуть вопрос: а не наполнены ли данные понятия в уголовном процессе качественно иным, специфическим содержанием, нежели аналогичные понятия в диалектической логике?

Так, по мнению А. Р. Ратинова и Н. А. Якубович, доказывание в широком смысле есть подтверждение, удостоверение правильности каких-либо мыслей, решений при помощи аргументов, доводов, фактов²⁵. Очевидно, данное определение доказывания совпадает с определением проверки в диалектической логике²⁶. Точно так же и определение процесса доказательств в процессуальном смысле по своим существенным признакам соответствует определению проверки исходной идеи в теоретическом доказательстве²⁷.

По этой причине понимание доказывания как обоснования выводов по делу и его соотношение с доказыванием — собиранием, проверкой и оценкой доказательств — нуждается в некоторых уточнениях.

Во-первых, обоснование выводов по делу внутренне присуще доказыванию, является его стороной и уже вследствие этого начинается, не может не начаться одновременно с собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Ведь и собирание, и проверка, и оценка фактических данных объективизируются в процессуальных действиях, направленных на достижение такого уровня организованности доказывания, которому в принципе должна соответствовать истина. Кроме того, вся деятельность по доказыванию протекает в процессуальной форме, регламентирующей познание в уголовном судопроизводстве как удостоверение, обоснование, подтверждение выводимого знания, построение системы «процессуальные действия-доказательства». Следовательно, собирание, проверка и оценка фактических данных разворачивается как обоснование выводимого знания.

Во-вторых, в связи с этим подразделение доказывания на собирание, проверку и оценку будет отражать прежде всего логическую последовательность оперирования каждым доказательством в отдельности и на элементарном уровне обозначать этапы его формирования. В то же время, будучи включенным в общую систему доказывания, каждый элементарный акт собирания, проверки и оценки в совокупности, с другими приобретает характер долговременного процесса, осуществляемого в той или иной мере на протяжении всего судопроизводства. В этом смысле указанные акты могли бы быть названы элементами доказывания, конкретное сочетание которых характеризует познание по уголовному делу. Но дело в том, что они фактически могут быть сведены к той или иной стороне доказывания. Поэтому, думается, правильнее считать его элементами процессуальные действия и доказательства, о чем выше уже говорилось.

Действительно, каждый из рассматриваемых актов может быть представлен как система «процессуальные действия-доказательства», свойства которой определяются единством четырех сторон: познавательной, удостоверительной, мыслительной и практической. Только на элементарном уровне эти акты получают свое особенное выражение, в результате чего собирание, проверка и оценка доказательств могут характеризоваться условно как этапы познания в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, доказывание — это, во-первых, получение доказательственной информации, во-вторых, обоснование выводимого значения, в-третьих, функционирование и

развитие системы «процессуальные действия-доказательства».

По нашему мнению, все особенности уголовно-процессуального познания можно выразить в одном понятии «состояние». Это «философская категория, отражающая специфическую форму реализации бытия, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях²⁸». В ее основе лежит марксистско-ленинская концепция об изменяемости материального мира: «...мир состоит не из готовых законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспорядочном изменении...»²⁹.

Приведенное положение имеет методологическое значение. В ходе его детальной уголовно-процессуальной интерпретации были выделены и регламентированы определенные моменты доказывания, которые, с одной стороны, характеризуют свойство последнего как явления действительности в их конкретном проявлении, а с другой — отражают процесс изменения, развития, движения по уголовному делу (по аналогии с изменением движущейся материи). Такими моментами являются, например, возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого и др. В каждом из них выражается качественная определенность познания, под которой В. И. Ленин понимал состояние движущейся материи³⁰. «В жизни в движении, — подчеркивал В. И. Ленин, — все и вся бывает как «в себе», так и «для других», в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое»³¹.

Таким образом, диалектический материализм, «настаивая на превращении движущейся материи из одного состояния в другое»³², тем самым вызывает необходимость рассматривать и доказывание в виде процесса такого превращения³³.

На основе принципа всеобщей универсальной связи в философской литературе выделяют три вида связей состояний:

- внутреннего и внешнего состояния объекта;
- состояния данного и другого объекта;
- состояний данного объекта в разное время.

Переплетение этих трех связей и дает представление о состоянии объекта, его изменении и развитии³⁴.

Применительно к доказыванию сказанное означает наличие в нем трех системных связей:

внутренней и внешней организованности доказывания;
предмета и пределов доказывания;
состояний доказанности и недоказанности.

Внутренняя организованность доказывания — это его построение в соответствии с законами материалистической диалектики (и формальной: логики), внешняя — в соответствии с уголовно-процессуальным законом. Указанные состояния находятся в связи, которая раскрывает как доказательность, так и юридическую формализованность уголовно-процессуального познания. Внутренняя и внешняя организованность доказывания, взаимодействуя, образуют сложное диалектическое единство. Оно обусловлено тем, что как то, так и другое состояние отражает на своем уровне диалектику доказывания, будучи призвано обеспечить его диалектичность. В то же время внешняя организованность отражает диалектику доказывания лишь в пределах возможной правовой регламентации. Однако это не означает, что познание в ходе уголовного судопроизводства невозможно процессуально регламентировать³⁵. Действительно, уголовно-процессуальный закон не может отразить диалектику доказывания во всем ее многообразии, которое проявляется на уровне внутренней организованности. Однако данное обстоятельство еще не свидетельствует о том, что раскрытие сущности доказывания «возможно только на основе системы законов материалистической диалектики, а попытки рассмотрения этой сущности на базе юридических законов заведомо обречены»³⁶.

Дело в том, что законы диалектики выражаются в процессуальных законах, строящихся так, чтобы побуждать субъектов доказывания следовать объективным законам мышления (в том числе и формально-логическим)³⁷. Процессуальные законы создают условия, при которых только и возможно сознательное применение законов мышления в уголовном судопроизводстве.

Следовательно, на основе процессуальных законов (как и на основе законов диалектики и формальной логики), можно раскрыть сущность доказывания, хотя в том и в другом случае она разного порядка.

К числу системных связей доказывания относится и взаимосвязь между его пределами и предметом.

Важнейшим системным качеством уголовно-процессуального познания является его способность к установлению обстоятельств дела или, иначе, к процессуально значимому отображению действительности, идеальным выражением которой в уголовном процессе служит предмет доказывания³⁸. Для того чтобы добиться этого отображения, очевидно, требуется система доказательств, каждое из которых необходимо, а все вместе достаточны для обеспечения наличия или отсутствия обстоятельств уголовного дела. В свою очередь для получения фактических данных и приведения их в систему надлежит производить процессуальные действия, которые также должны образовывать определенную систему.

Итак, реализация способностей процессуального познания (установить обстоятельства дела) зависит от наличия двух систем (вернее, подсистем), образующих пределы доказывания: процессуальных действий и доказательств³⁹. Следовательно, для доказывания характерна взаимосвязь между его пределами и предметом. Причем последний, по нашему мнению, будет являться идеальным выражением наличия (отсутствия) определенных обстоятельств действительности — необходимости их установления, а пределы доказывания — идеальным выражением наличия (отсутствия) процессуальных средств достижения истины, возможности (невозможности) ее установления.

Как выражение наличия определенных обстоятельств (фактов) действительности и процессуальных средств их познания предмет и пределы доказывания образуют связь состояний одного (наличия или отсутствия определенных обстоятельств действительности) и другого (наличия или отсутствия средств доказывания) объекта. Ведь то, что познается, и то, с помощью чего познается, неравнозначно.

В то же время как выражение необходимости и возможности (невозможности) познания объективной действительности предмет и пределы доказывания образуют связь состояний одного «искомого объекта». Только предмет доказывания выражает данный объект непосредственно, будучи обозначением обстоятельств (фактов) реальной действительности, а пределы доказывания — опосредствованно, являясь обозначением процессуально значимых отображений действительности. В этом смысле предмету доказывания соответ-

ствуется состояние, в котором доказывание должно находиться, пределам — в котором оно находится.

Так происходит потому, что связь предмета и пределов доказывания проявляется в зависимости от установления определенных обстоятельств действительности от наличия или отсутствия процессуальных средств для этого.

С одной стороны, существование определенных фактических обстоятельств не есть еще их установление с помощью средств доказывания. Дело в том; что это установление (доказывание) суть процессуально значимое отображение действительности, лишь в принципе соответствующее истине, а наличие обстоятельств дела — сама объективная реальность,

С другой стороны, обстоятельства происшедшего события преступления вызывают потребность в определенных средствах доказывания, без которых уголовно-процессуальное познание нельзя считать необходимым, ибо если фактические обстоятельства дела отображаются в следах преступления, то следы — в доказательствах. Следовательно, преступление отражается в доказательствах его совершения.

Таким образом, состояние доказывания, раскрывая взаимозависимость, активную роль по отношению друг к другу предмета и пределов доказывания, выражает их взаимодействие как тождество противоположностей.

Думается, что сказанное в какой-то мере объясняет причины имевшего место ранее в теории смешения предмета и пределов доказывания⁴⁰.

Пределы доказывания по каждому уголовному делу конкретны, т. е. зависят от конкретного предмета доказывания, методики и тактики расследования и судебного разбирательства. Однако во всяком случае пределы доказывания должны быть необходимыми: с одной стороны — не меньше, чем требуется для установления предмета доказывания, с другой — не больше. Поэтому оптимальное состояние доказывания должно определяться необходимым соотношением пределов и предмета доказывания⁴¹.

Реальные (фактические) пределы доказывания могут совпадать с необходимыми или нет. Возможны три случая соотношения фактических пределов доказывания с необходимыми, когда они: а) совпадают друг с другом; б) шире необходимых пределов; в) уже необходимых пределов⁴².

В первом случае состояние доказывания оптимальное. Во втором — хотя и приводит к обоснованию истины, но не

рационально. В третьем — не приводит к обоснованию истины, доказательства противоречивы, односторонни, неполно отражают действительность. Первые два случая могут быть определены как состояние доказанности обстоятельств уголовного дела, а третий — недоказанности.

Следовательно, реальное соотношение между пределами и предметом доказывания может быть выражено понятиями «доказанность» и «недоказанность».

Мы подошли к определению взаимосвязи состояний доказанности и недоказанности.

Доказывание — это познавательная деятельность, переход от незнания к знанию в условиях уголовного судопроизводства. Его смысл, как уже отмечалось, в удостоверении, обосновании, подтверждении доказательствами выводимого знания. Поэтому в каждый данный момент своего развития познание по делу может характеризоваться с точки зрения вероятности и достоверности, доказанности и недоказанности. Причем достоверному знанию в уголовном процессе будет соответствовать доказанность обстоятельств уголовного дела, а вероятному — недоказанность.

Доказанность, таким образом, является характеристикой достоверного знания обстоятельств дела и означает достаточность доказательств для построения истинного вывода. Недоказанность, напротив, является характеристикой вероятного знания и означает недостаточность доказательств для построения достоверного вывода.

При этом естественно, что указанные характеристики определяют состояние доказывания по уголовному делу, изменение которого происходит от неполного, неточного знания обстоятельств дела к более полному и объективному, от их недоказанности — к доказанности. Иначе говоря, для доказывания характерны позитивное изменение уровня знаний об обстоятельствах дела и переход к состоянию доказанности.

Очевидно, что все рассмотренные выше системные связи образуют определенное единство, в конечном итоге дающее нам представление о состоянии доказывания по уголовному делу.

Отсюда: состояние доказывания — это такая его качественная определенность, в которой отражается достижение определенного уровня знаний и организованности, реальное соотношение пределов и предмета доказывания.

На этой основе, учитывая взаимозависимость и взаимо-

проникновение системных связей доказывания, можно дать более развернутую характеристику и состоянию, недоказанности обстоятельств уголовного дела.

Как видно из предыдущего изложения, само по себе это состояние подразумевает только то, что процесс доказывания не завершен и в принципе предполагает его завершение состоянием доказанности.

Однако смысл выделения недоказанности в качестве самостоятельной процессуальной категории не только и не столько в том, чтобы характеризовать позитивное изменение уровня знаний в уголовном процессе. В данном случае процесс доказывания не может быть завершен фактически, поскольку все возможности доказывания исчерпаны, а результаты произведенного расследования (рассмотрения) дела не могут служить основанием для достоверного вывода.

В этом смысле недоказанность означает исключительное состояние, охватывающее все случаи сомнительности, противоречивости и недостаточности доказательств, случаи, которые не разрешены и неразрешимы. Именно указанное состояние и явится предметом рассмотрения нашей работы. При этом с учетом данной выше характеристики уголовно-процессуального доказывания мы будем исходить из того, что такое состояние должно:

1) отражать достижение лишь вероятного уровня знания (как следствие неорганизованности или дезорганизованности системы «процессуальные действия-доказательства»);

2) означать невозможность доказывания в данном случае (как следствие отсутствия необходимого соотношения предмета и пределов доказывания);

3) влечь прекращение уголовного дела или оправдание (как следствие необходимости юридического завершения доказывания).

§ 2. Предмет доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела

Одной из целей уголовного процесса является обеспечение надлежащего применения уголовно-правовых норм. Оно возможно только на основе конкретных обстоятельств, совокупность которых образует предмет доказывания по уголовному делу⁴³. Причем указанная совокупность выступает в качестве предпосылки исходных данных для правопримени-

тельной деятельности. По этой причине утверждение, что «в предмет доказывания по любому уголовному делу включаются признаки, составляющие состав преступления»⁴⁴, представляется не совсем верным.

Действительно, если приведенное положение - справедливо, то конкретный состав преступления определяется не путем подведения установленных обстоятельств под норму права, а путем процессуального доказывания. На самом деле это не так. Доказываться может только конкретное преступление как явление реальной действительности. Состав же преступления квалифицируется и не подлежит доказыванию в процессуальном, смысле, так как «конкретное преступление и его состав относятся друг к другу как явление и понятие о нем»⁴⁵. Кроме того, состав преступления — это обобщенное выражение признаков преступного поведения, данное в их уголовно-правовой оценке, законодательная модель, идеальная конструкция преступления. Предмет же доказывания есть, по нашему мнению, обобщенное выражение признаков человеческого поведения вообще (преступного или непроступного), лишь только требующих уголовно-правовой оценки и в этой связи подлежащих установлению. Именно поэтому сопоставление фактических признаков конкретного деяния и юридических признаков состава преступления ведет не к их отождествлению, а к установлению соответствия одних другим, вследствие чего уголовно-процессуальное доказывание и квалификация — разнокачественные доказательственные процессы и предмет процессуального доказывания не может выражать юридическую сущность происшедшего события, представляя собой фактическую основу правоприменения⁴⁶.

Разумеется, обстоятельства реальной действительности познаются в уголовном судопроизводстве не абстрактно, а по тому, что они образуют тот или иной конкретный состав преступления⁴⁷. Это справедливо при условии их подтверждения необходимой и достаточной совокупностью доказательств. Иначе говоря, установление связей между обстоятельствами дела и правовыми нормами происходит лишь по мере доказывания. В этом смысле, очевидно, можно говорить о «неразрывной взаимосвязи» между познанием обстоятельств дела и применением права в уголовном судопроизводстве⁴⁸.

В то же время познание органами следствия и суда фак-

та (объекта доказывания) как общественно опасного явления реальной действительности не означает еще его общественной опасности. Только на основе доказанных признаков конкретного деяния (факта) возможна его надлежащая социально-политическая и юридическая оценка. Не познав обстоятельств дела, нельзя ответить на вопрос, какому конкретному составу преступления они соответствуют и соответствуют ли вообще. В этом смысле правы, те авторы, которые утверждают, что процесс квалификации осуществляется на основе установленных с помощью доказательств фактических обстоятельств дела⁴⁹.

Таким образом, квалификация в уголовном судопроизводстве имеет скорее процессуальное, чем материально-правовое значение. Поэтому юридическая оценка здесь носит предварительный характер. Причем состав преступления выступает в роли ориентира для обнаружения, признаков события, наличие или отсутствие которого требуется доказать⁵⁰.

Сам по себе факт происшествия какого-либо события не означает, что оно подлежит доказыванию. Необходимо еще иметь определенные данные, позволяющие предположить, что событие произошло и носит преступный характер. Речь идет о двух предположениях: наличие фактических признаков события и юридических признаков преступления. Первое — результат обнаружения, второе — уголовно-правовой оценки. Только в этом случае требуется доказывание, предметом (объектом) которого, очевидно, и явится событие, предположение о наличии и преступном характере которого возникло.

Подтверждение сказанному можно найти в ст. 3 УПК РСФСР, прямо указывающей, что при обнаружении признаков преступления необходимо предпринять все усилия для установления события преступления и изобличения виновных. Это значит: на основе данных, необходимых для возбуждения дела, можно только предположить наличие преступного события, поскольку еще нельзя исключить отсутствие события преступления вообще⁵¹. Не случайно ст. 2 УПК РСФСР⁵² связывает правильное применение закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Эта двуединая задача стоит перед уголовным процессом в целом и

потому решается на протяжении всего производства по делу. Законодатель не исключает отсутствия событий преступления, предположение о наличии которого возникло, не толку на момент обнаружения признаков преступления, но и в последующем. Об этом наглядно свидетельствует предусмотренная ст. 5, 208, 309, 349 УПК возможность прекращения дела (оправдания) по реабилитирующим основаниям. Следовательно, в течение всего процесса доказывания по уголовному делу его предметом (объектом) будет оставаться событие, предположение о наличии и преступном характере которого возникло.

Конечно, доказывание, понимаемое как разрешение данного предположения, может внести значительные коррективы в первоначально сложившееся представление о рассматриваемом событии, его фактической природе и юридической характеристике. Однако процессуальная сущность указанного события как предмета (объекта) доказывания тем не менее остается неизменной, поскольку оно обеспечивает целенаправленность уголовно-процессуальной деятельности, определяет движение уголовного дела, способствует правоприменению.

При этом предмет доказывания должен покоиться на единой основе, которую составляют обстоятельства фактического порядка, ничем не отличающиеся от обычного поведенческого акта человека и потому не требующие их разделения на негативные и позитивные. Будучи обстоятельствами предполагаемого события, они допускают самую различную интерпретацию взаимосвязи между ними (это может быть, например, связь элементов непроступного поведения человека, либо одного или другого преступления, либо явления природы). В то же время принципиально важно, что эти обстоятельства, предположение о наличии которых вызвало необходимость решения целого ряда вопросов, относящихся к области применения норм уголовного, гражданского и уголовно-процессуального права⁵³. Поэтому установление обстоятельств предполагаемого события преступления будет происходить с позиций их значимости для ответов на указанные вопросы.

Предмет доказывания, таким образом, предстает как система фактических обстоятельств, подлежащих сознанию в связи с предположением их наличия и преступного характе-

рас позиций их значимости. Для применения норм материального и уголовно-процессуального права

Значит, «существующая правовая терминология, относящаяся к предмету доказывания и составу преступления, требует унификации»⁵⁴. Очевидно, это облегчит их соотнесение в процессе доказывания, определяющее переход от стадии к стадии и правильность квалификации.

С помощью терминов «субъект», «субъективная сторона», «объект», «объективная сторона», используемых в уголовном праве, можно выразить обстоятельства любого акта человеческого поведения, в том числе и предполагаемого события преступления (с обязательным указанием на их фактическую природу). При этом содержание, вкладываемое в каждый из перечисленных терминов, должно определяться необходимостью его для применения соответствующих норм права.

По нашему мнению, приведенное выше определение предмета доказывания и обстоятельств, его образующих, во-первых, раскрывает процессуальное происхождение указанных понятий; во-вторых, вытекает из двуединой задачи уголовного судопроизводства: изобличения всех виновных в совершении преступлений, непривлечения к уголовной ответственности невиновных; в-третьих, подчеркивает роль и значение уголовно-правовой оценки в процессуальном познании.

Поскольку доказыванию подлежит событие, предположение о существовании и преступном характере которого возникло, то недоказанность обстоятельств дела может быть определена как неразрешенность данного предположения.

По этой причине мы не можем согласиться с включением недоказанности в число обстоятельств, устанавливаемых в уголовном процессе, как это делают В. А. Банин и Ю. М. Грошевой⁵⁵. Иначе пришлось бы говорить о доказанности недоказанности либо отождествлять указанные состояния доказывания с объективной действительностью, что, по-видимому, логически некорректно.

Итак, недоказанность должна рассматриваться применительно к обстоятельствам дела, которые были распределены нами по элементам состава преступления и обозначены как субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона. Естественно, что указанные обстоятельства, будучи элементами единого акта человеческого поведения, практически могут рассматриваться только в определенной взаимосвязи. Так, субъект подлежащего установлению события мыслится

не просто как совокупность Значимых признаков данного лица, но и как связь «лицо — деяние», субъективная сторона — как связь «лицо — психическое отношение к деянию, его последствиям», объективная — как связь «деяние — последствия», объект — во взаимосвязи с деянием и последствиями. Лишь установив связь всех названных групп обстоятельств предмета доказывания, можно подтвердить факт наличия предполагаемого события. Это единственная основа для применения права, ибо признаки элементов акта человеческого поведения без доказанности их взаимосвязи не имеют никакого значения для правоприменительной деятельности. Например, возраст, вменяемость и иные признаки лица не могут быть положены в основу квалификации да тех пор, пока не будет доказана связь «лицо — деяние».

Таким образом, предмет доказывания может быть представлен как определенная взаимосвязь субъекта, объекта субъективной и объективной сторон события, предположение о наличии и преступном характере которого возникло. Вероятно, внешняя сторона этой взаимосвязи проявится в следующей системе элементов: «лицо — деяние — объект — последствия». Внутренняя сторона выразится в цели, мотивах, эмоциональной окраске деяния лица, в психическом отношении его к своему поведению. Причем необходимыми и существенными для определения предмета доказывания, видимо, являются три связи: «лицо — деяние» (субъект), «деяние — последствия» (объективная сторона), «лицо — психическое отношение к деянию и последствиям» (субъективная сторона). Первая из них проявляется в самом процессе совершения деяния, вторая — в наступлении определенных последствий при совершении конкретных действий или бездействий, третья опосредствует первые две, образуя субъективную сторону. Все остальные мыслимые связи так или иначе проявляются через эти три, и неустановление хотя бы одной из них означает неустановление всей взаимосвязи в целом.

Поясним сказанное случаями из практики.

1. Т. признан виновным в пособничестве Б. в убийстве М. По делу установлено, что он подставил ногу пробежавшему мимо него М., очего последний упал. Это объективно способствовало преступному намерению Б., который воспользовался падением М. и убил его. Обстоятельства совершения преступления нетрудно представить в виде взаи-

мосвязи «лицо — деяние — последствия». Т. может быть привлечен к уголовной ответственности за пособничество в убийстве только при условии его осведомленности о направлении умысла Б. Собранные же по делу доказательства не подтверждали этого, т. е. наличия связи «лицо — психическое отношение к деянию и последствиям». Поэтому дело было прекращено в Верховном Суде СССР ввиду неподтверждения доказательствами предъявленного обвинения⁵⁶.

2. Ф. признан виновным в совершении убийства и ряда хищений. Факты преступлений, т. е. связь «деяние — последствия», достоверно установлены. Однако достаточных доказательств участия Ф. в совершении этих преступлений собрано не было. Таким образом, связь «лицо — деяние» не доказана. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор в отношении Ф. отменен, и дело прекращено ввиду неподтверждения доказательствами предъявленного обвинения⁵⁷.

3. П. признан виновным в пособничестве С. в покушении на изнасилование. По делу установлены факты покушения С. на изнасилование М. и нахождения в это время П. в квартире С. Конкретных действий П. как исполнителя или пособника изнасилования не установлено, т. е. не доказана связь «деяние — последствия». Определением судебной коллегии по уголовным делам РСФСР дело прекращено в отношении П. ввиду неподтверждения предъявленного ему обвинения⁵⁸.

По названным причинам законодателю можно было бы предусмотреть три самостоятельных основания прекращения уголовного дела (оправдания) за недоказанностью, буквально или по смыслу соответствующих трем приведенным выше случаям. Причем с учетом употребляемой уголовно-процессуальной терминологии эти основания могут быть сформулированы в ст. 208, 309 и 349 УПК⁵⁹ примерно так:

- ввиду недоказанности события преступления;
- ввиду недоказанности участия лица в совершении преступления;
- ввиду недоказанности вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

§ 3. Пределы доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела

Доказывание — это процессуальная форма отражения (и фиксации сущности) объективной действительности. Поэтому главным моментом процессуального доказывания является достижение истины как его логическое (фактическое) и юридическое завершение.

Фактически доказывание может завершиться достижением истины, ее недостижением или частичным достижением. В первом случае имеет место доказанность обстоятельств дела, в противном — недоказанность. Каждому из этих состояний соответствуют определенные пределы доказывания. Доказанности обстоятельств дела — такие, при которых выводы следствия и суда соответствуют объективной действительности. Недоказанности — такие, при которых выводы следствия и суда соответствуют невозможности дальнейшего доказывания.

Соответствие указанных выводов объективной действительности и невозможности дальнейшего доказывания (в данном случае) — не одно и то же. Но при всем своем различии эти пределы имеют определенные общие черты: во-первых, направлены на достижение истины, во-вторых, представляют собой систему доказательств и процессуальных действий, в-третьих, включают в себя принятие завершающего доказывание процессуального решения. Последнее имеет принципиальное значение, ибо на основе вероятности (наличием которой характеризуется недоказанность) логически нельзя принять однозначное решение, каковое всегда завершает уголовный процесс.

Действительно, когда следователь или суд на основе соответствующих доказательств приходят к достоверному выводу о наличии или отсутствии, например, виновности какого-либо лица в совершении преступления, это всегда означает логическое и юридическое (в процессуальном акте) завершение доказывания по делу. Когда же следователь или суд приходят к выводу о недоказанности виновности, логическое завершение доказывания невозможно, но тем не менее юридически доказывание должно быть завершено принятием соответствующего решения. Как справедливо отмечает В. Д. Арсеньев, «если во многих других областях, например, в науке, искать истину можно бесконечно долго, то процессуальные условия производства по уголовному делу не дают такой воз-

возможности и дело должно разрешаться и при «недостижении истины»⁶⁰.

Любой вывод следствия (суда), пока он не облечен в юридическую форму, является фактическим. Но если в отношении доказанности виновности он не изменится фактически при облечении его в юридическую форму, то в отношении недоказанности виновности этого сказать нельзя. Логически из фактического содержания состояния недоказанности обстоятельств дела вытекают два противоположных вывода, имеющие одинаковое право на существование⁶¹, а именно: о наличии обстоятельств дела или об отсутствии. Как тот, так и другой вывод могут означать при придании ему юридической силы несоответствие фактического содержания недоказанности обстоятельств дела его юридическому содержанию. Как тот, так и другой означают признание истинным того, что может и не быть таковым. Однако закон не может быть двусмысленным. Любая ситуация, требующая правовой регламентации, должна быть решена в законе однозначно. Поэтому для решения вопроса о том, какой вывод является более предпочтительным, необходимо установление особого правила получения однозначного решения. При этом, разумеется, такое правило будет иметь не логическую, а иную природу. Таким образом, истина при недоказанности обстоятельств дела достигается не фактически, а только юридически, опосредствованно. Следовательно, тот факт, что недоказанность означает вероятное знание обстоятельств дела, не будет препятствовать принятию завершающего уголовный процесс решения⁶².

Итак, для соответствующих недоказанности обстоятельств дела пределов доказывания характерно: а) образование такой системы доказательств, процессуальных действий и решений, которая отражает лишь вероятное знание обстоятельств дела.; б) принятие завершающего производство по делу решения на основе специально установленного и не требующего подтверждения в уголовном процессе правила (которое не превращает вероятность в достоверность).

Следует подчеркнуть, что юридически истина при недоказанности обстоятельств дела достигается именно с момента принятия процессуального решения о прекращении уголовного дела (оправдания). Фактически же истина остается недостигнутой и недостижимой, так как установленное правило не может противостоять гносеологическим закономерностям.

Чтобы наша позиция по рассматриваемому вопросу стала

более ясной, очевидно, необходимо раскрыть природу самого правила, о котором идет речь. Одной из основополагающих для социалистического общества является; идея (и требование) уважительного отношения к личности. Не случайно она закреплена в Конституции СССР: ст. 54 гарантирует неприкосновенность личности, ст. 57 провозглашает уважение к личности обязанностью всех государственных и общественных организаций и должностных лиц, а ст. 65 обязывает каждого гражданина уважать права и законные интересы других лиц.

В уголовно-процессуальной сфере рассматриваемая идея проявляется в целом ряде важных правовых положений, обеспечивающих ее осуществление — недопустимость отождествления в его пользу, ибо если в установленном законом порядке обвиняемому права на защиту. Согласно этим положениям все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу, ибо если в установленном законе порядке обвиняемый не может быть признан виновным, то по справедливости он должен быть признан невиновным. Это и есть, по нашему мнению, правило, на основе которого недоказанная виновность признается равнозначной доказанной невиновности⁶⁴. Причем недоказанной может оказаться не только виновность, но и любое другое обстоятельство дела, установление которого усугубляет ответственность лица, совершившего преступление.

Таким образом, правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого — основа принятия завершающего решения в уголовном процессе и достижения истины по уголовному делу в случаях недоказанности его фактических обстоятельств. Обязательным условием применения этого правила является наличие сомнений (вероятного уровня знаний), которые всегда характерны для состояния недоказанности обстоятельств дела.

В свете вышеизложенного положение о том, что всякое недоказанное обстоятельство дела, вывод о наличии которого сделан с помощью правила о толковании сомнений в пользу обвиняемого, лишь провозглашается доказанным (а не является), имеет принципиальное значение⁶⁵. Однако данное положение, в отличие от правила, признается справедливым в процессуальной литературе не всеми авторами. Разумеется, подобное расхождение во взглядах можно было бы считать просто терминологическим, если бы все авторы исходили из единого понимания состояния недоказанности. Так, например,

М. С. Строгович рассматривает недоказанность виновности как фактическое несовершенство обвиняемым преступления и, следовательно, фактическое содержание состояния недоказанности подменяет юридическим содержанием вывода из него. А это в гносеологическом аспекте неверно, тем более, что М. С. Строгович выводит отсюда отрицание необходимости доказывания невиновности⁶⁶. При этом он исходит в своем, обосновании из трех случаев, когда виновность не доказана: а) подозрения рассеялись, данных для предъявления обвинения нет, а лица, в отношении которых эти подозрения имелись, вообще не участвовали либо участвовали в качестве свидетелей; б) имелись некоторые доказательства виновности кого-либо, версия совершения преступления этим лицом исследовалась детально, но не нашла подтверждения; в) кто-либо привлечен в качестве обвиняемого, но в дальнейшем некоторые доказательства виновности были опровергнуты или поколеблены, а оставшиеся явно недостаточны для предания суду⁶⁷.

При анализе первых двух случаев следует признать вполне справедливым мнение М. С. Строговича, согласно которому нет необходимости принятия какого-либо решения, так как речь идет об установлении непричастности к совершению преступления лиц, официально не заподозренных и, следовательно, не опороченных перед обществом.

Эти два случая М. С. Строгович противопоставляет третьему, в котором, видимо, необходимо вынесение постановления о прекращении уголовного дела в отношении лица, привлеченного в качестве обвиняемого по п. 2 ст. 208 УПК РСФСР. Однако утверждение М. С. Строговича — отличие этого случая от тех, где подозрения рассеяны и невиновность очевидна, состоит именно в том, что лицо заняло положение обвиняемого, — представляется не совсем верным. Конечно, если признать, что невиновность лица доказана после привлечения его в качестве обвиняемого, то как раз процессуальное положение обвиняемого будет определять необходимость принятия соответствующего решения. Но состояние недоказанности означает, что невиновность не доказана и не может быть доказана точно так же, как и виновность⁵⁸. М. С. Строгович понимает состояние недоказанности иначе: виновность не доказана — и только⁶⁹. При этом он полагает отсутствие достаточных доказательств виновности обвиняемого равнозначным его непричастности к совершению преступления. Иначе говоря, по мнению М. С. Строговича, уста-

новить непричастность лица к преступлению можно путем установления недоказанности его участия в этом преступлении. Сам факт неподтверждения виновности означает невиновность⁷⁰.

Сходная точка зрения высказана В. М. Савицким, который считает, что «невиновность не нуждается в доказывании» и обвиняемый невиновен потому, «что доказательств его виновности либо нет, либо их недостаточно»⁷¹.

Указанную позицию полностью поддерживает и А. М. Ларин, прямо утверждающий, что иное положение противоречит правовой действительности⁷². Но не все авторы, точка зрения которых здесь излагается, ранее придерживались ее. Так, М. С. Строгович в одной из своих фундаментальных работ по теории доказательств писал (имея в виду оправдание за недоказанностью): «Этот случай с точки зрения практики материальной истины представляется несколько осложненным: судьи не знают, где истина, они не нашли истину (разрядка моя.— Н. С.). Конечно, в ряде случаев выход из данного положения может быть достигнут путем дополнительного следствия, если оно дает новые доказательства, которые рассеют сомнения и дадут основание с достоверностью и несомненностью утверждать либо то, что обвиняемый виновен, либо что он невиновен. Но это может и не быть достигнуто, и остается прежнее положение: виновность обвиняемого не доказана, нет достаточных доказательств его виновности»⁷³.

Таким образом, недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности только юридически. Именно по этой причине неточен вывод о том, что в познавательном аспекте «формулировки «доказана невиновность» и «не доказана виновность» равнозначны»⁷⁴.

Кроме того, доказанная невиновность фактически характеризуется не тем, что «предъявленное обвинение не получило достоверного подтверждения, вызывает сомнения и не может быть положено в основу решения»⁷⁵, а тем, что предъявленное обвинение достоверно опровергнуто и невиновность лица не вызывает никаких сомнений. В противном случае было бы совершенно непонятно, почему законодатель употребляет термин «недоказанность» применительно к участию обвиняемого в совершении преступления, если считает недоказанность участия в преступлении гносеологически равнозначной непричастности к преступлению. Нельзя же предположить, что законодатель введением этого термина хотел внести пу-

таницу в разрешение случаев непричастности лица к совершению преступления и недоказанности его участия в нем. Поэтому не прав Р. М. Оганесян, утверждая: «...нельзя отождествлять неустановление истины с недоказанностью участия в совершении преступления»⁷⁶. Можно, но, разумеется, имея в виду истину объективную, а не юридически признанную таковой. Именно в этом смысле «невиновность подсудимого при оправдании его в таких случаях положительно не устанавливается, а лишь провозглашается судом»⁷⁷.

Вывод «является невиновным» отражает фактическое положение вещей точно так же, как и вывод «является недоказанным участие в совершении преступления». Первый относится только к случаям положительного установления непричастности обвиняемого к преступлению, он означает, что объективная истина достигнута, процесс доказывания невиновности логически завершен. Второй означает, что процесс доказывания не завершен и не может быть завершен в рамках данной логической системы. Если фактическому выводу «является невиновным» соответствует такой же юридический, то фактическому «является недоказанным» соответствует юридический вывод «признается (провозглашается) невиновным». Обвиняемый признается невиновным юридически (на основе правила о толковании сомнений в пользу обвиняемого) в силу того, что может являться и не являться невиновным фактически. Ибо «с точки зрения теории познания суд при недоказанности виновности обвиняемого истины не устанавливает, т. к. остается неизвестным, кто совершил преступление...»⁷⁸.

Сказанное относится ко всем случаям недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела, влекущим окончание производства по нему.

Итак, недоказанность обстоятельств дела, соответствующая вышеопределенным пределам доказывания: а) характеризует установление не только наличия события преступления и виновности, но и отсутствия указанных обстоятельств; б) в познавательном аспекте неравнозначна состоянию доказанности; в) предполагает действие процессуального правила о толковании сомнений; г) означает признание (провозглашение) наличия тех обстоятельств, в отношении которых возникло; д) юридически является основанием завершающего доказывания процессуального решения.

- ¹ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 3.
- ² Там же, с. 64.
- ³ Программа КПСС. — М., 1976, с. 106.
- ⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.
- ⁵ Там же, с. 52.
- ⁶ Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев.—М., 1980, с. 12.
- ⁷ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе.—Правоведение, 1977, № 5. с. 98.
- ⁸ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 82.
- ⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 49.
- ¹⁰ Там же, с. 65.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Рекунков А. XXVI съезд КПСС и задачи органов прокуратуры.— Соц. законность, 1981, № 4, с. 7.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 1, с. 21.
- ¹⁴ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1968, т. 1, с. 299; Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, с. 156; Торский Д. П., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978, с. 205—206.
- ¹⁵ См.: Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — Казань, 1973, с. 13.
- ¹⁶ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе.— М., 1978, С. 195.
- ¹⁷ О диалектическом познании см.: Алексеев М. Н. Законы диалектики как законы диалектической логики. — В кн.: Философия и современность. М., 1978, с. 198.
- ¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 14.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.
- ²⁰ Васильев Л. М. Фактические презумпции в советском уголовном судопроизводстве.— Краснодар, 1977, с. 59.
- ²¹ См.: Оруджев С. М. Проблема доказательства в диалектической логике. — В кн.: Философия и современность. М., с. 210—215.
- ²² См.: Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств.— М., 1960, с. 84; и др.
- ²³ Это наиболее существенные элементы системы «цель, субъекты, средства и объект доказывания».
- ²⁴ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка,— М., 1972, с. 395, 557,
- ²⁵ См.: Теория доказательств в советском..., с. 288.
- ²⁶ См.: Оруджев С. М. Проблема доказательства в диалектической логике, с. 215.
- ²⁷ См.: Теория доказательства в советском..., с. 301—302.
- ²⁸ Симанов А. Л. Понятие «состояние» как философская категория. Новосибирск, 1982, с. 60.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 302.
- ³⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 276.
- ³¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 97.
- ³² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 276.
- ³³ Здесь мы не отождествляем изменение движущейся материи с изме-

нением ее познания. Речь идёт лишь об известной аналогии, основой проведения которой служит совпадение внутренней структуры объективной диалектики вещей (практики) с внутренней структурой диалектического мышления (познания). См. об этом: Оруджев С. М. Проблема доказательства в диалектической логике, с. 213—214.

³⁴ Симанов А. Л. Понятие «состояние» как философская категория, с. 50—51.

³⁵ См.: Медведев Н. Н. Теоретические основы расследования, с. 8.

³⁶ См.: Там же, с. 8—9.

³⁷ См.: Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе.— Харьков, 1979, с. 11; и др.

³⁸ В последнее время в литературе наметился новый подход к пониманию предмета доказывания в уголовном процессе. Одни авторы (А. М. Ларин, В. С. Зеленецкий, Ю. М. Грошевой) трактуют предмет Доказывания (в смысле ст. 68 УПК) как объект или программу уголовно-процессуального познания, другие (В. Д. Арсеньев) рассматривают предмет доказывания (в соответствии с теорией познания) как данные (сведения, информацию) об объекте доказывания (познания), исследуемые в определенных условиях в целях достоверного установления наличия объекта. См.: Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности.— М., 1979, с. 260; Зеленецкий В. С. Объект уголовно-процессуального познания действительности.— В кн.: Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975, с. 247; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений..., с. 14; Проблемы теории судебных экспертиз: Науч. тр. ВНИИСЭ. — М., 1980, т. 44, с. 6.

³⁹ См.: Уголовный процесс. /Отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. - М., 1972, с. 158; и др.

⁴⁰ См.: Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. — М., 1956, с. 4; Чельцов М. И. Советский уголовный процесс— М., 1962, с. 128—132.

⁴¹ См.: Теория доказательств в советском..., с. 189—193.

⁴² Там же, с. 190—191.

⁴³ Мы исходим из того, что предмет доказывания выражает событие (факт), а его элементы — обстоятельства происшедшего события.

⁴⁴ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. — М., 1976, с. 43.

⁴⁵ Советское уголовное право: Общая часть. /Под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева.—М.: Юрид. лит., 1977, с. 95.

⁴⁶ См.: Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств — М.: Юрид. лит., 1964, с. 5—11; и др.

⁴⁷ См.: Горский Д. П., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе.— Воронеж, 1978, с. 62.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — М., 1972, с. 20; и др.

⁵⁰ См.: Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию.—М.: Юрид. лит, 1965, с. 109; и др.

⁵¹ См.: Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. — Саратов, 1975, с. 56-61.

⁵² В дальнейшем — УПК (имеются в виду и соответствующие статьи других союзных республик, если иное не будет оговорено).

⁵³ См.: Ларин А. М. Проблемы расследования в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... д-ра юрид. наук. — М., 1970, с. 16; и др.

- ⁵⁴ Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса.— Л., 1982. с. 111.
- ⁵⁵ См.: Банин В. А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе.— Саратов, 1981, с. 14; Грошевой Ю. М. Сушность судебных решений в советском уголовном процессе.— Харьков, 1979, с. 14—15.
- ⁵⁶ Бюл. Верх. Суда СССР, 1975, № 3, с. 6—8.
- ⁵⁷ Бюл. Верх. Суда РСФСР, 1977, № 3, с. 10—11.
- ⁵⁸ Бюл. Верх. Суда РСФСР, 1977, № 2, с. 8—9.
- ⁵⁹ Редакция указанных статей будет уточняться по мере внесения всех изменений и дополнений, необходимость которых обосновывается в работе.
- ⁶⁰ Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам.— Вопросы теории судебной экспертизы. Науч. труды ВНИИСЭ, 1979, вып. 39, с. 15.
- ⁶¹ См.: Орлов Ю. К. О соотношении и содержании категорий истины и достоверности в судебном доказывании.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976, вып. 25, с. 133.
- ⁶² См.: Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам, с. 23; Заблочкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук.—Иркутск, 1971, с. 19; и др.
- ⁶³ К данному положению ряд авторов сводит практический смысл презумпции невиновности. Однако если смысл последней состоит в недопустимости отождествления обвиняемого с преступником, то, видимо, речь идет не о презумпции, а о каком-то ином положении. Действительно, недопустимость отождествления обвиняемого с преступником не может предполагаться, а тем более опровергаться как презумпция. Это категорическое требование, определяющее пределы возможного ограничения правового статуса гражданина, признанного обвиняемым в уголовном процессе. См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.— М., 1968, т. 1, с. 149; и др.
- ⁶⁴ См.: Арсеньев В. Д. К вопросу о презумпции невиновности в свете новой Конституции СССР.— В кн.: Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск, 1979, с. 55—56.
- ⁶⁵ См.: Курьлев С. В. О достоверности и вероятности в правосудии. — Правоведение, 1968, № 1, с. 37; Резник Г. М. Оправдание за недоказанностью.— Сов. юстиция, 1969, № 15, с. 10; и др.
- ⁶⁶ См.: Строгович М. С. Истина судебного приговора. — В кн.: Проблемы судебной этики.—М., 1974, с. 93.
- ⁶⁷ Там же, с. 95—96.
- ⁶⁸ См.: Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса.— Ярославль, 1978 с. 55-61.
- ⁶⁹ Строгович М. С. Истина судебного приговора, с. 96.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Савицкий В. М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию.—Сов. гос-во и право, 1965, № 9, с. 51.
- ⁷² Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности.— М., 1979 с. 310—311.
- ⁷³ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе.— М., 1955, с. 206.

- ⁷⁴ См.: Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы..., с. 311.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ См.: Оганесян Р. М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе.— Ереван, 1972, с. 135.
- ⁷⁷ Заблоцкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе, с. 20.
- ⁷⁸ Петрухин И. Л. Истина и заблуждение в суде. В кн.: Науч. тр. ВНИИСЭ, М., 1976, вып. 21. с. 171.

Глава II. ПРИЧИНЫ НЕДОКАЗАННОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ИХ УСТРАНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие и виды причин непоказанности обстоятельств уголовного дела

«Человеческое мышление столь же суверенно, как и несuverенно, его способность познания столь же неограничена, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе призванию, исторической конечной цели; несuverенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»¹.

Приведенное положение, очевидно, носит методологический характер. Применительно к уголовному процессу его значение, на наш взгляд, заключается, во-первых, в отрицании наличия гносеологических препятствий доказыванию, во-вторых, в необходимости учета практических трудностей, стоящих на пути познания обстоятельств уголовного дела, в-третьих, в признании фактической возможности недостижения истины в некоторых случаях.

В самом деле, событие преступления — один из материальных процессов действительности. Следовательно, оно находит в связи и взаимообусловленности с окружающей средой, отражается в ней и само отражает какие-то явления, с бытия. Поэтому «представление о том, что преступник может совершить преступление, не оставив следов своего деяния, ошибочно...»². Иное, очевидно, противоречит закону взаимосвязи и взаимообусловленности всех явлений.

Сказанное не означает, что практические трудности достижения истины, в частности случаи безвозвратной утраты доказательств, не могут привести к возникновению непреодолимых препятствий доказыванию.

Недопустимо «прилагать мерку подлинной, неизменной, окончательной истины в последней инстанции к таким знаниям, которые по самой природе вещей либо должны оставаться относительными для длинного ряда поколений и могут-лишь постепенно достигать частичного завершения, либо даже (как это имеет место в космогонии, геологии и истории человечества) навсегда останутся неполными и незавершенными уже вследствие недостаточности исторического-материала...»³.

Иначе говоря, возможность достижения истины нельзя поставить под сомнение при условии достаточности исторического материала. Допущение же отсутствия в исключительных случаях такого условия и означает признание реальности возникновения непреодолимых препятствий достижению истины⁴.

Данное положение, очевидно, может быть распространено и на сферу уголовно-процессуального доказывания. «Недостаточность фактического материала, влекущая незавершенность познания конкретного исторического явления,— отмечает Г. М. Резник,— по природе ничем не отличается от незаконченности судебного познания имевшего место в прошлом преступного события»⁵.

Далее. Если справедливо, что в ряде случаев доказательства могут быть безвозвратно утрачены в результате следственных и судебных ошибок⁶, тогда справедливо и то, что сомнения, порожденные этими ошибками, «после самой тщательной проверки фактов» иногда оказываются «неустраненными и неустраняемыми»⁷. Причем такое сомнение «может касаться как самого существа обвинения, когда оно подрывает его основу и влечет вынесение оправдательного приговора, так и отдельных фактов, входящих в состав обвинения, когда оно влечет смягчение обвинения, признание меньшей степени уголовной ответственности, чем та, которая утверждается обвинением»⁸.

Кроме того, «правосудие — это не замкнутая лабораторная система»⁹. Поэтому невозможно устранить факторы, порождающие недоказанность обстоятельств уголовного дела, хотя «своевременное правотворчество, принципиальное руководство деятельностью судов, организация судейского аппа-

рата и организационное управление им...»¹⁰ способно до минимума свести влияние этих факторов (сказанное относится и к деятельности органов предварительного расследования).

Именно поэтому «вывод о возможности раскрытия всякого преступления верен применительно к понятию преступления как вида или типа, но он иногда оказывается несостоятельным в отношении конкретного уголовного дела»¹¹;

Изложенное выше, разумеется, несколько не умаляет положение марксистско-ленинской диалектики о познаваемости объективной действительности. Мы имеем в виду лишь закономерное исключение из этого положения, когда отражающий событие преступления объект под воздействием внутренних свойств, внешних факторов или преднамеренных действий может вернуться в прежнее состояние, может претерпеть иные изменения, которые приведут к снятию отражения или к сильной его трансформации¹². Этим и можно объяснить дезорганизацию доказывания по делу, недостаточность доказательств для выведения достоверного знания об обстоятельствах совершения преступления, несмотря на все усилия органов следствия и суда по обеспечению их полноты, всесторонности и объективности.

Отсюда следует вывод:

1) существуют определенные процессы (факторы), ведущие к трансформации фактических данных о преступлении и даже к их исчезновению;

2) в основе этих процессов (факторов) лежит закономерность изменения движущейся материи;

3) естественное течение указанных процессов (действие факторов) не является в принципе непреодолимым препятствием для установления истины по уголовному делу;

4) дезорганизация доказывания, вызываемая названными процессами (факторами), в исключительных случаях может привести к недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела.

Речь идет, во-первых, о процессах (действиях факторов) происходящих в неживой и живой природе, таких как дождь, снегопад, жизнедеятельность микроорганизмов, растений, животных и т. д. И, во-вторых, происходящих в различных сферах деятельности человека — производственной, бытовой преступной, уголовно-процессуальной и других.

По отношению к уголовному судопроизводству эти процессы (факторы) могут быть внешними, т. е. возникающими за его пределами, и внутренними, присущими самой уголов-

ной процессуальной деятельности. Те факторы, действие которых непосредственно не вытекает из уголовного судопроизводства и не зависит от него по своему происхождению и течению, очевидно, являются внешними причинами недоказанности обстоятельств дела, а те, действие которых есть одновременно осуществление уголовного судопроизводства, — ее внутренние причины.

Отметим, что процессуальная деятельность, порождающая недоказанность обстоятельств дела, лишь внешне носит правомерный характер и потому только условно может считаться осуществлением производства по уголовному делу. Иначе говоря, это фактическое поведение соответствующего субъекта уголовного судопроизводства, не согласующееся с предписаниями закона. П. С. Элькинд справедливо указывает, что «даже те действия, которые совершаются в пределах дозволенного (обязанного)», не всегда соответствуют задачам уголовного процесса»¹³.

В то же время «в сфере уголовного судопроизводства приходится встречаться с поведением, выходящим за пределы должного (возможного), более того, противоречащим должному (возможному)»¹⁴. Очевидно, речь может идти о поведении любых субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, включая обвиняемого (подсудимого)¹⁵ и должностных лиц, уполномоченных государством осуществлять расследование и разрешение уголовных дел (компетентных органов). Нас интересует прежде всего поведение последних. Ибо нетрудно понять, что неправомерная деятельность именно этих субъектов (определяемая их недостатками) обуславливает в большей мере, нежели аналогичная деятельность других участников судопроизводства, наступление трудноустраняемых (а подчас и неустраняемых) отрицательных последствий. Вот почему особенно важно, чтобы действия (бездействия) субъектов доказывания (компетентных органов), Допускающих нарушения закона, были своевременно «направлены в русло задач уголовного судопроизводства»¹⁶. Однако, как отмечал К. Маркс, «чтобы действовать с шансами на успех, надо знать то явление, на которое предстоит воздействовать»¹⁷. Поэтому возникает необходимость: а) дать общую характеристику неправомерной деятельности субъектов доказывания (компетентных органов)¹⁸; б) разработать на этой основе конкретные рекомендации, направленные на предотвращение наступления негативных последствий (дезорганизации доказывания).

Итак, предметом нашего исследования будет деятельность, которая;

а) является фактическим поведением субъектов доказывания (компетентных органов);

б) вызывается недостатками указанных субъектов;

в) в полной мере не соответствует требованиям закона;

г) способствует возникновению недоказанности обстоятельств дела.

Недоказанность фактических обстоятельств дела может быть результатом не только неправомерной деятельности органов следствия и суда, но и других причин (факторов)¹⁹. Причем в своем внешнем проявлении все они одинаковы — вызывают дезорганизацию доказывания, а результаты их действия оцениваются по-разному. Например, халатность следователя при производстве по делу ставится в вину конкретному субъекту доказывания, а неправильное решение вопросов кадровой политики, материального и научно-технического обеспечения правоохранительных органов — не ставится. Вот почему важно различать причины (факторы) недоказанности обстоятельств дела.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины (факторы) недоказанности обстоятельств уголовного дела: 1) естественно происходящие в живой и неживой природе процессы; 2) неправомерную деятельность, субъекта доказывания; 3) неправомерное поведение других субъектов процессуальных прав и обязанностей, включая действия обвиняемого (подсудимого) по сокрытию следов совершенного им противоправного деяния; 4) недостатки организации борьбы с преступностью; 5) правомерную, закономерно происходящую производственную, бытовую и иную деятельность человека, которая непосредственно не связана с осуществлением уголовного судопроизводства и организацией борьбы с преступностью.

По отношению к первой причине речь может идти, например, о круговороте воды в природе и тому подобных явлениях (допустим, наводнение препятствует своевременному выезду следователя на место происшествия или существенно изменяет обстановку места происшествия и следы преступления).

Пример второй — недобросовестное отношение следователя или судьи к своему служебному долгу, предвзятый подход к оценке доказательств, слабая подготовка или отсутствие должного опыта и т. д. (следователь при производстве наружного осмотра трупа не проверил содержимое карманов

одежды потерпевшего или, отдавая предпочтение сомнительным доказательствам виновности одного лица, оставил вне поля зрения данные о возможности совершения преступления другим лицом)²⁰.

Третья причина — недобросовестное исполнение своих обязанностей свидетелем, потерпевшим или иным лицом, наделенным процессуальными правами и обязанностями (за исключением должностных лиц, осуществляющих расследование и разрешение уголовных дел), некомпетентность, отсутствие необходимых навыков и т. д. (свидетель дает заведомо ложные показания, переводчик осуществляет неправильный перевод).

По отношению к четвертой причине речь может идти об ошибках в подборе и расстановке кадров правоохранительных органов, просчетах политико-воспитательной работы и т. п. (назначение на прокурорские должности лиц, не имеющих высокой юридической квалификации и достаточного опыта работы, использование неправильных мер поощрения)²¹.

И пятая — выполнение производственных функций или совершение бытовых действий и т. д. (уничтожение или обезличивание остатков пищи в столовой, где имело место массовое пищевое отравление; санитарная или обычная уборка помещений, где произошло преступление; распитие спиртных напитков лицом до или на момент восприятия им доказательственной информации).

Следует подчеркнуть, что действие перечисленных причин (факторов) не всегда влечет за собой недоказанность обстоятельств дела, так как в самом доказывании заложена способность противодействия указанным причинам (факторам) и преодоления, предотвращения их негативного воздействия. Поэтому, очевидно, недоказанность обстоятельств дела представляет собой результат сложного взаимодействия вышеперечисленных факторов и порождаемой ими дезорганизации доказывания. Например, наводнение может исключить для следователя возможность использования обычных транспортных средств при выезде на место происшествия, а отсутствие такой возможности способствует появлению дополнительных организационных трудностей, возникновению недостатков, которые в обычных условиях не проявляются, и, как результат, — дезорганизации доказывания. В свою очередь, определенная дезорганизация доказывания может породить (обострить) негативное влияние ряда факторов на уголовно-процессуальное познание. Так, поверхностный допрос свиде-

теля (дезорганизация доказывания) и смерть затем этого свидетеля (фактор, вызывающий дезорганизацию доказывания) образует связь, которая может, по всей видимости, обуславливать появление новых организационных сложностей и других негативных последствий, а следовательно, и новую более разрушительную дезорганизацию доказывания.

Сказанное, разумеется, не исключает возможности преобладающего влияния одной или нескольких из рассмотренных причин и вызываемой ими дезорганизации доказывания. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в результате дезорганизации доказывания, порожденной неправомерным поведением субъекта доказывания, разрушительное воздействие различного рода внешних факторов усиливается. Субъект доказывания, следовательно, сам устраняет препятствия, воздвигнутые законом на пути указанных факторов. Понятно поэтому, какое значение имеет своевременное выявление и предотвращение именно, внутренних причин недоказанности фактических обстоятельств дела.

По своему проявлению в сфере уголовного судопроизводства факторы недоказанности обстоятельств дела могут быть объективными, не зависящими от субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, и субъективными, зависящими (непосредственно) от них.

В этом смысле объективными будут все внешние причины недоказанности обстоятельств уголовного дела: не потому, что они представляют собой непреодолимое в принципе препятствие доказыванию, а потому, что объективны лежащие в их основе закономерности — изменения движущейся материи вообще и отражающие это свойство материи закономерности физические, химические, физиологические, психические и др. Так, если с помощью бульдозера в силу производственного задания выравнивают земляную площадку на месте совершения преступления, то изменение обстановки места преступления, уничтожение следов преступления хотя и вызвано субъективной деятельностью человека (составление планового задания, приказ начальника о его выполнении, непосредственное исполнение задания бульдозеристом), но, очевидно, не образует прямой зависимости с деятельностью каких-либо субъектов процессуальных прав и обязанностей. Здесь действуют свои производственные закономерности.

В свою очередь, субъективны все внутренние причины недоказанности обстоятельств дела (например, сокрытие следов преступления обвиняемым).

Может ли быть недоказанность обстоятельств дела целиком обусловлена только объективными или только субъективными факторами? Субъективными, очевидно, нет. Негативное воздействие их способно проявиться лишь через посредство объективных причин. Например, если в ходе осмотра места происшествия из-за невнимательности следователя не был обнаружен и изъят окурочок папиросы, предположительно принадлежащий преступнику, то по истечении определенного времени этот окурочок подвергнется естественному разрушению в результате действия воды, снега и тому подобных: объективных факторов.

Практически маловероятно и возникновение - недоказанности обстоятельств дела только под влиянием объективных факторов, хотя теоретически такая ситуация, по всей видимости, возможна. Так, ураган или лесной пожар в принципе способны уничтожить все следы преступления (не любого, разумеется). Но указанная способность некоторых явлений природы преходяща вообще и по мере развития человеческого знания становится все менее и менее вероятной (особенно в условиях научно-технического прогресса). Кроме того, она не следует автоматически из наличия того или иного явления природы и потому должна определяться в каждом конкретном случае путем тщательного анализа.

В рамках данной работы, как уже отмечалось, мы не ставим перед собой задачу всестороннего рассмотрения всех факторов недоказанности обстоятельств уголовного дела. Так, причины недостатков субъекта доказывания, просчетов в организации борьбы с преступностью представляют собой весьма сложные проблемы, требующие самостоятельного исследования²². По своему содержанию они, видимо, далеко выходят за пределы собственно процессуальных.

Поэтому наше исследование охватывает неправомерную деятельность компетентных органов как проблему сугубо процессуальную, при рассмотрении которой мы исходим из следующего:

существуют причины, порождающие дезорганизацию доказывания и недоказанность обстоятельств дела;

негативные проявления этих причин нельзя полностью устранить, но можно существенно ограничить;

недоказанность обстоятельств дела, как правило, является результатом действия не одного, а многих факторов как внутреннего, так и внешнего порядка, как объективных, так и субъективных;

всякая дезорганизация доказывания в конечном счете допущена субъектом доказывания, что в определенной мере обуславливает преобладающее влияние внутренних (субъективных) причин недоказанности обстоятельств дела;

именно от субъекта доказывания во многом зависит реализация способности доказывания преодолеть негативное воздействие различных факторов (причин) недоказанности обстоятельств дела;

своевременное неустранение дезорганизации доказывания, как правило, вызывает ее неустранимость, создавая тем самым непреодолимые препятствия достижению истины по уголовному делу;

во многих случаях судить о наличии внутренних причин недоказанности обстоятельств дела можно по характеру самой дезорганизации доказывания;

выявление дезорганизации доказывания безотносительно причин (факторов), ее вызвавших, значимо уже в силу того, что служит сигналом о некотором неблагополучии в работе данного должностного лица или органа и основанием для детальной проверки их деятельности.

§ 2. Неправомерное поведение субъектов доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела

Итак, к числу наиболее опасных причин (факторов) недоказанности фактических обстоятельств дела относится неправомерная деятельность субъектов доказывания. Порождаемая этой деятельностью дезорганизация доказывания, выражается в нарушениях уголовно-процессуального закона. Причем это могут быть нарушения как общих, так и конкретных его предписаний. Однако нас интересуют не всякие нарушения, а только такие которые могут привести к недоказанности обстоятельств уголовного дела.

На наш взгляд, речь должна идти о нарушениях: а) всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела; б) быстроты доказывания; в) процессуальной формы. Можно сформулировать и ряд конкретных нарушений закона, вызывающих недоказанность обстоятельств дела:

отсутствие необходимого взаимодействия между органами; дознания и предварительного следствия и суда;

небрежность и недоброкачественность производства процессуальных действий;

непроведение или несвоевременное проведение процессуальных действий;

нарушение конкретных предписаний закона.

Исследование перечисленных нарушений целесообразнее всего проводить на материалах предварительного расследования, учитывая наибольшее проявление причин недоказанности обстоятельств дела именно в этой стадии процесса, а также схожесть указанных причин в различных стадиях. Именно поэтому практическую базу нашей работы составили 854 уголовных дела, прекращенных органами прокуратуры г. Красноярска и г. Ленинграда в период с 1969 по 1980 гг. (выборочное исследование).

Отсутствие необходимого взаимодействия между органами дознания и предварительного следствия и суда. Известно, что оперативно-розыскная деятельность органов дознания имеет большое значение для достижения истины по уголовному делу, ибо, во-первых, направлена на достижение тех же целей, что и уголовно-процессуальная; во-вторых, как правило, вызывается процессуальной необходимостью; в-третьих, в некоторых случаях определяет возникновение процесса; в-четвертых, в конечном счете получает свое выражение в процессуальных действиях и решениях, вытекающих из результатов таких действий. В то же время она происходит в особых условиях и не урегулирована процессуальным законом, поэтому далеко не всегда по материалам уголовного дела можно судить о ее всесторонности и полноте. Учитывая эту особенность, мы сконцентрировали свое внимание не на самой оперативно-розыскной деятельности, а на ее необходимой взаимосвязи с деятельностью процессуальной и, в первую очередь, с доказыванием²³.

О наличии такой взаимосвязи в уголовном деле свидетельствуют поручение, которое в случае надобности направляется следователем в органы дознания (п. 4 ст. 127 УПК), или соответствующие указания суда (прокурора). Однако отсутствие поручения (особенно по делам, где дознание не проводилось) еще не свидетельствует об отсутствии какого бы то ни было взаимодействия между судебными и оперативно-розыскными органами, так как такое взаимодействие, не всегда процессуально оформляется.

По нашим данным, поручения органу дознания следователями давались только в 20% изученных уголовных дел (хотя не менее 40%, безусловно, требовало совершения опре-

деленных розыскных и оперативных действий для выяснения некоторых обстоятельств).

В 36% случаев они были составлены несвоевременно а только после указаний вышестоящих органов, в 7% не указана дата направления в органы дознания, в 3% — дата исполнения, в 2% — нет данных о выполнении поручения. Так по делу о смерти Г., труп которого был обнаружен 25 декабря 1965 г. без верхней и нижней одежды, поручения органу дознания давали три раза. Причем первое — 10 февраля 1966 г., второе — 4 апреля 1966 г., третье — в конце 1969 - начале 1970 гг. (дата не указана). И все это время оставался целый ряд обстоятельств, подлежащих выяснению как следственным, так и оперативно-розыскным путем. В частности, не были своевременно установлены лица, с которыми Г. видел незадолго до смерти. Как видно, несвоевременность дачи поручений здесь сыграла негативную роль и способствовала тому, что уголовное дело было прекращено за недоказанностью его фактических обстоятельств (события преступления). Решения следователя по данному делу вышестоящие органы 7 раз признавали необоснованными (4 постановления о прекращении дела и 3 постановления о приостановлении производства по делу) по одним и тем же основаниям. Это прямое подтверждение того, что следователь в течение длительного времени не использовал реальные возможности раскрытия преступления (свои и органов дознания), что в конечном счете и привело к их утрате (круг источников доказательств был ограничен, а возможности доказывания исчерпаны)²⁴.

Об отсутствии необходимого взаимодействия оперативные розыскные и следственные органы свидетельствует в ряде случаев и несвоевременное возбуждение уголовного дела. Так, П. задержали 21 декабря 1969 г. с огнестрельным оружием. При задержании он оказал сопротивление. Уголовное дело возбудили только 28 января 1970 года, т. е. более чем через месяц после событий, что в немалой степени (наряду с другими причинами) способствовало возникновению недоказанности вины П. в совершении преступления²⁵.

Аналогичный недостаток имеет и дело по факту изнасилования несовершеннолетней Н. Заявление об изнасиловании поступило 19 июля 1970 г., а дело возбудили 10 сентября 1970 г., т. е. почти через 2 месяца. В связи с этим возникла недоказанность фактических обстоятельств уголовного дела. (события преступления)²⁶.

Такое положение, когда при наличии законных поводов и оснований дело не возбуждается по причине неоправданной задержки органом дознания проверки поступившего заявления или сообщения о совершении преступления, является недопустимым, поскольку ведет к необратимым потерям информации.

По данным нашего исследования, в 27% случаев уголовные дела (из числа изученных), прекращенные за недоказанностью их фактических обстоятельств, были возбуждены несвоевременно.

К неблагоприятным результатам может привести и неоправданно большой разрыв во времени между вынесением постановления органом дознания о передаче дела по подследственности и постановлением органа предварительного следствия о принятии дела к производству.

В 10% изученных дел, прекращенных за недоказанностью их фактических обстоятельств, этот разрыв составлял не менее 10 дней. А если считать от момента проведения последнего следственного действия органом дознания до момента проведения первого следственного действия органом предварительного следствия, то до 20 дней. Так, в деле по факту изнасилования Б. постановление о передаче дела по подследственности датировано 9 апреля 1970 г., а принято оно к производству следователем прокуратуры 21 апреля 1970 г. При этом последнее следственное действие орган дознания произвел 27 марта 1970 г. За это время в показаниях свидетеля Т. произошли существенные изменения, а подозреваемый П. стал отрицать сделанное им ранее признание в совершении изнасилования. В результате уголовное дело пришлось прекратить за недоказанностью события преступления (фактически)²⁷.

Отсутствие необходимого взаимодействия между судебно-следственными и оперативно-розыскными органами опасно не само по себе, а потому, что оно способствует неполноте и односторонности исследования обстоятельств дела.

Приведем еще пример. По обвинению в убийстве К. привлекались в качестве обвиняемых поочередно три человека. Первым — С., который на неоднократных допросах признавал себя виновным, а 19 ноября 1967 г. (почти через месяц после возбуждения уголовного дела) отказался от своих показаний и заявил, что он об убийстве К. ничего не знает. 14 декабря 1957 г. дело было прекращено за необнаружением Преступника. 22 апреля 1958 г. постановление о прекращении

уголовного дела в отношении С. было отменено прокурором. На допросах С. вновь заявил, что убийство совершил он, но вскоре изменил эти показания и стал утверждать, что убийство совершил Н. Последний и был привлечен к ответственности. Однако народный суд оправдал Н., указав, что верить показаниям С. нельзя, так как не исключен оговор Н. Этот приговор 10 декабря 1958 г. был отменен, и дело направлено на дополнительное расследование. 16 февраля 1959 г. следственные органы дело в отношении Н. прекратили за недостаточностью улик. 7 марта 1961 г. в отдел милиции пришел Ст. и заявил, что убийца — Ф. В связи с этим заявлением обвинение в убийстве было предъявлено Ф. Однако и в отношении Ф. оно было признано необоснованным.

И за все это время (4 года) без должного внимания компетентных органов оставался ряд существенных обстоятельств, расследование которых могло прояснить подлинную картину преступления. В частности, не было предпринято никаких действий (ни процессуальных, ни оперативных) для установления лиц по имени Николай и Валентин (о них перед смертью говорил потерпевший К., отвечая на вопрос врача, кто нанес ему удар ножом)²⁸.

По данному делу, таким образом, налицо отсутствие необходимого взаимодействия между органами дознания, предварительного следствия и суда, хотя, очевидно, здесь нужны были именно совместные и оперативные усилия указанных органов.

Рассматриваемое нарушение закона распространено в 14% изученных нами уголовных дел, прекращенных за недоказанность их фактических обстоятельств за период, с 1969 по 1979 гг.

Небрежность и недоброкачество производства процессуальных действий. Чаще всего к недоказанности обстоятельств дела приводит поверхностный и небрежный осмотр места происшествия (39% дел, изученных за период с 1969 по 1979 гг.). Так, Р. обвинялся в том, что вечером 6 марта 1961 г., будучи ремонтным рабочим в бригаде К., вывел из строя предупредительный диск (средство сигнализации), за который был ответственен К. Возможное наступление вредных последствий было предотвращено обходчиком Г., который обнаружил повреждение средств сигнализации.

Подозрение в повреждении средств сигнализации Р. возникло в связи с тем, что у него были неприязненные отно-

шения с бригадиром К. Кроме того, Р. видели недалеко от предупредительного диска, а рядом обнаружили следы галош (Р. в тот вечер был обут в галоши). Р. свою вину отрицал, признавая, что вечером 6 марта 1961 г. он действительно был обут в галоши и проходил мимо предупредительного диска. Однако этого явно недостаточно, для признания обвинения доказанным. Свидетель К. показал, что он возле диска видел три следа галош. Но ни один из них зафиксирован не был, идентификация их со следами обуви Р. вследствие этого не проводилась. В протоколе осмотра места происшествия записано, что на момент осмотра шел дождь. Таким образом, обнаруженные свидетелем следы подверглись разрушительному воздействию воды сразу после происшествия. С течением времени данное упущение органов предварительного расследования стало, очевидно, невозможным. В результате доказать причастность Р. к совершению преступления оказалось невозможным, в связи с чем он и был оправдан²⁹.

Другой пример. В ходе осмотра места происшествия, при обследовании одежды трупа, следователь оставил без внимания карманы пиджака погибшего, а изъятие одежды процессуально не оформил и передал ее в отделение милиции. Длительное время спустя она была выдана родственникам. Впоследствии данное обстоятельство затруднило, а затем и сделало невозможным установление факта нахождения денег в одежде потерпевшего на момент осмотра, поскольку нельзя было исключить недобросовестность работников милиции в этом случае³⁰.

Нередко образованию недоказанности обстоятельств дела способствуют небрежность и поверхностность допросов (16% дел, изученных за период с 1969 по 1979 гг.). Так, по делу Д., обвинявшегося в ограблении гражданки Р., единственным доказательством вины Д. являлись показания потерпевшей. Однако допрос Р. был проведен крайне поверхностно. В ходе его не было выяснено, по каким конкретно признакам Р. опознала Д. как преступника. Учитывая, что опознание в процессуальном смысле по делу не проводилось, а фактическое опознание произошло при обстоятельствах, исключающих его достоверность, именно допрос потерпевшей должен был сыграть решающую роль в установлении причастности Д. к преступлению. Орган же дознания ограничился тем, что отметил в протоколе допроса факт "опознания" Д. потерпевшей «по глазам» и "по личности". Это и привело к тому, что по

истечения времени потерпевшая Р. уже не могла вспомнить никаких конкретных признаков преступника, утверждая, что «опознала» Д. по «подозрительному взгляду»³¹.

В упоминавшемся нами деле по факту убийства К.³² неполнота характерна для допросов С, в ходе которых не выяснялись причины, побудившие его признать себя виновным, а затем изменить показания. Поверхностны допросы Ст., на них не устанавливались причины его долгого молчания об известных ему обстоятельствах убийства и причины, побудившие его рассказать о них.

Для многих дел, прекращенных за недоказанность их фактических обстоятельств, характерна недоброкачественность не одного, а нескольких, или даже целого ряда процессуальных действий. Причем не всегда можно достаточно четко выделить те действия, недоброкачественность которых непосредственно привела к недоказанности обстоятельств уголовного дела.

Обратимся хотя бы к делу Г., где был небрежно проведен не только осмотр места происшествия, но и некоторые другие действия: на первоначальных допросах лиц, причастность которых к преступлению выяснялась, не было установлено, в каких взаимоотношениях они находились с погибшим, а также некоторые обстоятельства их встречи незадолго до смерти Г. Впоследствии расследование было затруднено выездом этих лиц в другой город и иными причинами. Сам факт большого временного разрыва между первоначальными допросами и повторными (примерно 1 год) заставляет сомневаться в том, что следователю удалось восполнить существующие пробелы.

Поэтому здесь трудно выделить какое-то одно процессуальное действие, небрежность и поверхностность производства которого привели к недоказанности обстоятельств дела непосредственно, а следует говорить о ряде таких действий³³.

Непроведение или несвоевременное проведение процессуальных действий. Рассматриваемое нарушение послужило причиной недоказанности обстоятельств уголовного дела в 24% случаев (по делам, изученным за период с 1969 по 1979 гг.). Так, по делу П., обвинявшегося в оказании сопротивления работнику милиции, не были установлены и допрошены лица, помогавшие инспектору дорнадзора С. задержать П. и доставить его в отделение милиции. Вследствие этого стало невозможным опровергнуть или подтвердить утвержде-

ние П. о том, что он при задержании не оказывал сопротивления³⁴.

Другой пример. О. признан виновным в том, что он в апреле 1967 г. изготовил из 12 кг вишни и 16 кг сахара 76 л настойки, которая хранилась у него в доме, была обнаружена работниками милиции и вылита во дворе.

О. показал, что изготовил настойку на свадьбу дочери. Однако закон предусматривает ответственность за изготовление или хранение крепких спиртных напитков домашней выработки. В деле же нет данных о том, что изготовленная О. вишневая настойка была именно таким напитком. Никакого исследования напитка, следствием не производилось, и восполнить этот недостаток было нельзя. Само же по себе изготовление настойки из ягод и сахара не является незаконным производством спиртных напитков, влекущим уголовную ответственность. На основании изложенного дело в отношении О. при рассмотрении его в кассационной инстанции прекратили (фактическое основание — недоказанность события преступления)³⁵.

Причина недоказанности обстоятельств дела в данном случае та, что «компетентные органы не приняли мер к сохранению и надлежащему оформлению обнаруженной у О. вишневой настойки в качестве объекта экспертного исследования».

Аналогичные недостатки имеет и дело, возбужденное прокуратурой Октябрьского района г. Ленинграда по факту преступно-халатных действий врача Б.

Б. подозревался в том, что, находясь по вызову у больной А. и будучи в нетрезвом состоянии, не сумел правильно поставить диагноз и не принял мер к срочной госпитализации А. В результате больная умерла.

Кроме врача Б., больную осматривали фельдшер О. и врач Д., прибывшие по вторичному вызову к А. Оба диагностировали у больной острый инфаркт миокарда, при котором необходимы принятие неотложных мер и экстренная госпитализация.

Для определения правильности действий врача Б. и подтверждения диагноза следовало назначить и провести судебно-медицинское исследование трупа А. Однако своевременно это не сделали, и труп А. был кремирован родственниками. По этой причине уголовное дело в отношении Б. пришлось прекратить за недоказанностью события преступления³⁶.

Еще пример. Алиби Г., обвиняемого в перепродаже золо-

та и платины-сырца, опровергалось показаниями свидетелей Гор. и К., а также обвиняемой М.

Данное дело рассматривалось в порядке надзора в Верховном Суде СССР, и судебная коллегия по уголовным делам пришла к следующему выводу. Показания Гор. и К. недостаточно достоверны, противоречивы и в известной мере предположительны. Это, в частности, обусловлено тем, что опознание и очные ставки между свидетелями и обвиняемым Г. проведены через полтора месяца после события, о котором свидетельствовали Гор. и К. Данное обстоятельство и послужило основной причиной прекращения уголовного дела в отношении Г. за недоказанностью его участия в совершении преступления³⁷.

Нарушения конкретных предписаний уголовно-процессуального закона. Распространенность этих нарушений как причины недоказанности относительно невелика. Она характерна всего для 7% изученных дел, прекращенных за недоказанностью их фактических обстоятельств.

Однако опасность подобных нарушений от этого не уменьшается, тем более, что указанные 7% — наиболее отрицательная часть общего количества случаев нарушений процессуального закона (конкретных предписаний) как влекущих, так и не влекущих недоказанность обстоятельств дела.

Нарушения процессуального закона становятся причиной недоказанности обстоятельств уголовного дела тогда, когда ведут к невозможной утрате доказательственной информации или ее доказательственной ценности.

Наличие такого нарушения мы обнаружили применительно к двум процессуальным действиям — опознанию (4%) и выемке (3%). Так, А. и Т. признаны виновными в организации банды и совершении вооруженного нападения на квартиру П. Обвинение основано на показаниях потерпевших супругов П. и домработницы К. Потерпевшие П. показали, что к ним в квартиру примерно в 9—10 ч. вечера зашли два грабителя, один из которых был среднего роста, смуглый, а второй — ниже ростом, блондин. Под угрозой оружия рни забрали деньги, облигации государственных займов, а также носильные вещи.

К. показала, что один из грабителей был среднего роста, курносый, глаза, черные, лицо круглое, маленькое, губы тонкие. Второй грабитель — ниже среднего роста, блондин, лицо продолговатое, нос длинный, прямой, губы тонкие. Смуглому

на вид лет 35, а блондину — около 30. При обращении один называл другого Сергеем, и оба были вооружены пистолетами.

По истечении месяца А. и Т. были опознаны потерпевшими. Однако А. и Т. для опознания их потерпевшими предъявлялись не в числе других лиц, а поодиночке. В связи с этим правильность показаний потерпевших вызывает серьезные сомнения. Тем более, что словесные портреты преступников, данные на предварительном следствии, не тождественны с приметами обвиняемых. А. — высокого роста, белокурый, глаза серые, лицо овальное, ему 20 лет. Т. — среднего роста, темно-русый, глаза голубые, лицо круглое, нос малый, возраст — 25 лет. Сергеем никто из них не звался.

Сославшись на вышеуказанные обстоятельства, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 12 июля 1956 г. дело прекратила за неподтверждением доказательствами обвинения³⁸.

Очевидно, что в данном деле нарушение предусмотренных законом правил проведения опознания опорочило достоверность сделанного на этом основании вывода о виновности А. и Т. в совершении ограбления квартиры П. При отсутствии иных достоверных данных это и привело к недоказанности участия обвиняемых в совершении преступления.

Подобные недостатки имеет и дело Ш., который был признан виновным в нанесении удара по лицу У. и совершении в отношении его циничных действий из хулиганских побуждений. Предъявление Ш. для опознания потерпевшему и его сестре не было проведено. Результаты же психического акта опознания не могут рассматриваться как свидетельство доказанности вины Ш. Учитывая, что других данных, подтверждающих или опровергающих вину Ш., нет, президиум Красноярского краевого суда дело в отношении Ш. прекратил за неподтверждением доказательствами предъявленного ему обвинения³⁹.

Нарушение процессуального закона в ряде случаев приводит не только к недостоверности полученной информации, но и к отсутствию этой информации вообще, в то время как она могла быть получена и ее наличие было необходимым. Так, по делу Ш., обвинявшегося в неосторожном убийстве П. во время перестрелки группы лиц, изъятие боеприпасов у всех участников перестрелки произвели с нарушением требований ст. 183—184 УПК. Все патроны были обезличены и по окончании предварительного следствия розданы владель-

цам, что исключило возможность достоверного установления их принадлежности и привело к неустановлению действительно виновного лица⁴⁰.

Итак, исследование практики прекращения уголовных дел позволяет сделать вывод об относительной распространенности целого ряда нарушений закона, влекущих образование недоказанности фактических обстоятельств дела. Следовательно, необходимо бороться с этими нарушениями, пресекать, предотвращать их появление.

Как показывают теория и практика, борьба с различными нарушениями в деятельности органов дознания, предварительного следствия и суда предполагает в самом общем плане:

- укрепление социалистической законности;
- совершенствование законодательства;
- повышение уровня подготовки и профессионального мастерства работников правоохранительных органов;
- улучшение организационного руководства этими органами;
- научную организацию труда соответствующих должностных лиц;
- правильный подбор и расстановку кадров;
- расширение материально-технического обеспечения правоохранительной деятельности (при одновременном сокращении непроизводительных затрат);
- постоянное внедрение и активное использование в практике расследования и разрешения уголовных дел достижений научно-технического прогресса и научно-технической революции⁴¹.

Конкретно речь может идти:

- о распространении положительного опыта работы дознавателей, следователей, судей;
- изучении и обобщении ошибок в деятельности соответствующих органов и лиц;
- разборе уголовных дел в каждом конкретном случае нарушения закона;
- организации специальных семинаров для практических работников;
- разработке системы показателей их деятельности;
- создании эффективных методик раскрытия отдельных видов преступлений;
- и т. д.

Однако при всей важности каждого из перечисленных направлений, мероприятий и исследований решающее значение для осуществления борьбы с нарушениями законности орга-

нами предварительного расследования и суда имеет прежде всего учет реальных результатов, по которым только и можно судить о позитивном и негативном в право-охранительной деятельности и путях повышения ее эффективности.

По этой причине мы и обратимся к разработке системы показателей, необходимых для оценки работы органов предварительного расследования и суда в связи с возникновением недоказанности обстоятельств уголовного дела.

§ 3. Совершенствование работы органов предварительного расследования и суда и недоказанность обстоятельств уголовного дела

Известно, что В. И. Ленин всегда придавал особое значение учету и контролю как в деятельности государства вообще⁴², так и в судопроизводстве в частности. Учет реальных результатов,— указывал он,— «...это азбука всей юридической работы»⁴³. Отсюда закономерен интерес к показателям, по которым можно судить о качестве работы следователя, суда и других субъектов доказывания. В нашем исследовании мы ограничились лишь показателями работы следователя (суда) по делам, оконченным производством за недоказанностью их фактических обстоятельств. При этом, имея в виду схожесть причин, вызывающих недоказанность обстоятельств дела в различных стадиях уголовного процесса, нами использованы, главным образом, материалы предварительного расследования.

На практике отрицательным показателем работы следователя (суда) по делам, оконченным производством за недоказанностью их фактических обстоятельств, является сам факт прекращения дела (оправдания). Однако, как справедливо отмечается в литературе⁴⁴, его использование для оценки деятельности следователя (суда) имеет смысл только там, где действует статистический закон больших чисел. В ином случае (а это касается, например, оценки работы следственных подразделений прокуратуры и МВД областного уровня) данный показатель не отражает фактического положения вещей⁴⁵.

Недопустимо оценивать работу и по количеству оправдательных приговоров, что, по мнению Ю. В. Кореневского, «не только несостоятельно теоретически, но и практически вредно»⁴⁸. На это же обращает внимание и М. С. Строгович, подчеркивая, что «факт снижения количества оправдательных

приговоров и прекращённых дел в судах того или иного города или области сам по себе не может расцениваться как достижение, успех в работе; требуется изучение этого явления выяснение его причин»⁴⁷.

Игнорирование сказанного приводит в ряде случаев к не обоснованным прекращениям дел по нереабилитирующим основаниям, необоснованным обвинительным приговорам, не-объективности прокурора в суде и другим неблагоприятный последствиям⁴⁸.

Выход из создавшегося положения, очевидно, могут дать только анализ каждого уголовного дела, оконченного производством за недоказанностью его фактических обстоятельств и выработка на этой основе системы показателей, позволяющей объективизировать анализ. Для этого необходимо, чтобы изучение дела было направлено на выявление таких фактов в соответствии с которыми можно дать развернутую характеристику всей деятельности следователя или суда. Наибольший интерес из них представляют:

неустранимое (в данном случае) нарушение закона⁴⁹;
незаконное оставление лица в положении обвиняемого или подозреваемого.

Эти факты взаимосвязаны, хотя и имеют самостоятельное значение для оценки деятельности следователя.

Неустранимое (в данном случае) нарушение закона. Если выяснится отсутствие названного факта, то решение об окончании производства по делу за недоказанностью его фактических обстоятельств принято неправильно, поскольку возможно:

а) уголовное дело расследовано полно и всесторонне и подлежит направлению в суд (приговор должен вступить в силу);

б) уголовное дело расследовано полно и всесторонне, и производство по нему подлежит окончанию по нереабилитирующим основаниям;

в) уголовное дело расследовано неполно и односторонне и необходимо доследование (новое судебное рассмотрение);

г) уголовное дело расследовано полно и всесторонне, и производство по нему подлежит окончанию по другим реабилитирующим основаниям.

Понятно, что во всех четырех случаях работа следователя (суда) будет оцениваться неодинаково (в зависимости от конкретных обстоятельств).

В 0,5% случаев по изученным нами делам, прекращенным за недоказанностью их фактических обстоятельств, нужно было применить иное реабилитирующее основание, в 0,4% — направить дело на дополнительное расследование. Случаев, когда дела подлежали направлению в суд или прекращению по нереабилитирующим основаниям, не было обнаружено совсем. Из этого нельзя, конечно, сделать вывод, что они вообще не распространены, ввиду ограниченного характера исследования. Однако, по всей вероятности, есть основания утверждать об их небольшой распространенности.

Если существует какое-либо неустранимое нарушение закона, то решение об окончании производства по делу за недоказанностью его фактических обстоятельств принято правильно. В то же время деятельность следователя (суда), связанная с появлением такого рода нарушений, может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Здесь прежде всего требуется ответить на два вопроса:

1. В чем заключается допущенное нарушение закона?
2. В чем заключается неустранимость этого нарушения?

Ответ на первый вопрос охватывает оценку правомерности (по форме и содержанию) действий или бездействий следователя (суда). Речь идет об оценке: а) доброкачественности производства процессуальных действий; б) своевременности их проведения; в) необходимости производства процессуальных действий, которые не были проведены; г) соблюдения конкретных предписаний закона.

Очевидно, на этой основе можно установить круг неправомерных действий (бездействий) следователя (суда) и выделить из них те, что привели к недоказанности обстоятельств дела.

Ответ на второй вопрос (в чем заключается неустранимость нарушения) охватывает оценку: а) ограниченности круга средств доказывания; б) ценности данных, утраченных или не полученных в результате неправомерных действий (бездействий) следователя (суда); в) недостаточности имеющихся доказательств для обоснования достоверных выводов по делу; г) безуспешности использования всех средств доказывания для восполнения утраченной и получения новой информации. Он связан с установлением пределов, главным образом, тактических и технических возможностей доказывания. Конкретно здесь подразумевается определение круга процессуальных действий, с помощью которых возможности получения информации из данного источника исчерпаны. На-

пример, гражданин Н. подозревался в совершении развратных действий и вовлечении в пьянство несовершеннолетней Г. Поводом к возбуждению уголовного дела послужило заявление матери несовершеннолетней Г., основанием — объяснения Н. и Г., в которых они подтверждали соответствующие факты совершения развратных действий и вовлечения в пьянство.

Однако компетентные органы, осуществляющие по данному делу дознание и предварительное следствие, не создали надлежащих условий, исключающих возможность какого-либо влияния, психического давления подозреваемого на потерпевшую (например, содержание Н. под стражей, обеспечение строгого надзора за Г. со стороны родителей). В результате этого Н. и Г. отказались от ранее данных ими объяснений и стали отрицать указанные выше факты.

В то же время следователю удалось достоверно установить только то, что несовершеннолетняя Г. неоднократно ночевала на квартире у Н.

Причем показания по существу дела могли дать только Н. и Г., а показания матери потерпевшей основывались на известных ей фактах нахождения дочери на квартире у Н. Кроме того, не было каких-либо медицинских данных, свидетельствующих о растлении.

Таким образом, следователь располагал лишь одним средством доказывания — допросом, возможности которого для собирания доказательств широко, но безуспешно использовались и в конце концов были исчерпаны (вследствие активного противодействия расследованию со стороны подозреваемого и потерпевшей). Уголовное дело пришлось прекратить за недоказанностью события преступления (фактически)⁵⁰.

Незаконное оставление лица в положении обвиняемого или подозреваемого⁵¹. Отсутствие названного факта в целом оценивается положительно, хотя и не исключает проведения отдельных неправомερных процессуальных действий. По этой причине нас в большей мере интересует наличие рассматриваемого факта, которое оценивается отрицательно, поскольку свидетельствует о незаконном ущемлении прав и свобод граждан и непроизводительных затратах времени, сил и средств.

Необходимо ответить на два вопроса:

1. Когда совершено неустранимое нарушение закона?

2. Когда его неустрашимость становится очевидной (с очевидностью вытекает из материалов дела)?

Ответ дается с позиций правомерности проведения тех или иных действий или принятия того или иного решения. Речь идет об оценке: а) необходимости производства тех или иных действий и принятия решения для определения неустрашимости совершения нарушения закона; б) достоверности, допустимости и относимости доказательств, используемых в качестве основы для обоснования процессуальных решений, подтверждающих виновность какого-либо лица, или избрании меры пресечения (особо — арест). При этом нужно установить круг действий, производство которых необходимо для определения неустрашимости совершенного нарушения закона, и соответствующие случаи использования недостоверных, недопустимых и неотносимых доказательств после совершения неустрашимого нарушения. Далее потребуются выяснить момент, когда неустрашимость нарушения закона и, следовательно, невозможность дальнейшего доказывания очевидны. Совпадение этого момента с моментом вынесения постановления о прекращении уголовного дела (оправдательного приговора) за недоказанностью его фактических обстоятельств соответствует закону и является основанием для положительной оценки деятельности следователя после возникновения неустрашимого нарушения закона.

В качестве примера сошлемся на уже приводимое нами дело по факту совершения гражданином Н. развратных действий и вовлечения в пьянство несовершеннолетней Г. (характерная особенность этого дела — ограниченность средств доказывания фактически только показаниями подозреваемого Н. и потерпевшей Г.). Моментом возникновения неустрашимого нарушения закона следует считать изменение показаний подозреваемым и потерпевшей, отражающее их активное противодействие расследованию, моментом очевидности этого нарушения — вынесение постановления о прекращении уголовного дела.

Правда, точное определение момента очевидности вызывает известные сложности, связанные, главным образом, с необходимостью установления реальных пределов тактических возможностей тех или иных процессуальных действий. Поэтому трудно было бы упрекнуть следователя, если бы он провел еще несколько допросов подозреваемого и потерпевшей с целью преодоления их неправомерного поведения. Вот поче-

му по таким делам очень важно тщательно анализировать каждое процессуальное действие.

Другое дело, когда моменты принятия решения о прекращении дела (оправдании) и очевидности неустрашимости совершенного нарушения не совпадают, Так, А. и О. обвинялись в совершении разбойного нападения на гражданина Ах. Обвинение основано на показаниях потерпевшего, а также на показаниях его сестры и свидетелей Ш. и Ар., которые даны со слов самого Ах. Круг средств доказывания по данному делу ограничен, возможности расширения его следственным путем отсутствуют, имеются данные, дающие основание серьезно сомневаться в правильности восприятия происшедшего потерпевшим, находившимся на момент нападения в состоянии сильного алкогольного опьянения.

На основании изложенного Пленум Верховного Суда СССР прекратил уголовное дело в отношении А. и О. за неподтверждением доказательствами предъявленного им обвинения. Тем самым была дана отрицательная оценка деятельности следственных и судебных органов, принявших решения, подтверждающие виновность А. и О. и повлекшие незаконное ущемление их прав и интересов⁵².

Ошибка соответствующих органов по данному делу заключалась в том, что они не смогли правильно оценить имеющиеся доказательства и в связи с этим определить, какое препятствие доказыванию возникло и когда оно стало неустрашимым.

Принятие решений, подтверждающих виновность А. и О., оценивается отрицательно и до момента очевидности неустрашимости нарушения закона (обусловленного здесь, в частности, состоянием опьянения потерпевшего), и после. До — потому, что такое решение не может иметь достаточной доказательственной базы, после — потому, что незаконно ущемляет права и интересы А. и О.

Положительно указанное решение могло бы быть оценено только до возникновения неустрашимого нарушения закона и при условии достаточности доказательств для подтверждения обвинения. Речь идет о случаях утраты доказательств, потере их доказательственной силы (например, обвиняемый уничтожает доказательства во время ознакомления с материалами дела, или потерпевшие, свидетели изменяют свои показания, или появляются новые данные, ставящие под сомнение обвинение, и т. п.).

Вот почему важное значение по делам рассматриваемой

категории имеет оценка неизменности доказательственной базы на момент принятия решения, допустим, о привлечении лица к уголовной ответственности и на момент принятия решения о прекращении дела за недоказанностью его фактических обстоятельств. На это обращают внимание Л. М. Карнеева и А. А. Чувилов⁵³, используя неизменность доказательственной основы как показатель необоснованности привлечения лица к уголовной ответственности. Однако авторы не учитывают того обстоятельства, что обоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого может стать необоснованным после совершения неустранимого нарушения закона, если производство по делу будет продолжено при очевидном наличии оснований для его прекращения. Подобной неувязки, на наш взгляд, удастся избежать только при условии использования для оценки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности показателей, характеризующих не только отдельные процессуальные решения, но и всю деятельность следователя (суда) в целом.

Речь идет о двух группах показателей. К первой относятся такие, которые характеризуют неустранимое нарушение закона (причины недоказанности):

- а) недоброкачественное проведение процессуальных действий;
- б) несвоевременное их производство;
- в) непроведение процессуальных действий, производство которых было необходимо.

Ко второй группе относятся показатели, характеризующие незаконное оставление лица в положении обвиняемого или подозреваемого, а также непроизводительные затраты времени, сил и средств:

- а) привлечение в качестве обвиняемого (предание суду) лица, виновность которого в данном случае достоверно подтвердить нельзя;
- б) составление обвинительного заключения (приговора) по делу о таком лице;
- в) содержание под стражей этого лица;
- г) избрание в отношении его иной меры пресечения;
- д) производство процессуальных действий по делу, недоказанность фактических обстоятельств которого уже может быть определена.

В качестве дополнительных показателей можно использовать:

- а) неизменность доказательственной основы для принятия

решений о виновности лица (на момент, когда доказывание виновности еще возможно) и окончании производства по рассматриваемой категории дел;

б) невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на предотвращение недоказанности обстоятельств дела;

в) невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на своевременное определение недоказанности обстоятельств дела.

Из всей массы изученных нами уголовных дел, прекращенных за недоказанностью их фактических обстоятельств, наличием каких-либо из перечисленных выше нарушений характеризовалось 76% дел.

Распространенность каждого нарушения по уголовным делам неодинакова: наибольшее имеет производство процессуальных действий по делам, недоказанность обстоятельств которых уже может быть определена (79% случаев); наименьшее — составление обвинительного заключения (приговора) по делу о лице, виновность которого в данном случае подтвердить нельзя. Оно имеет место в 0,5% случаев.

Распространенность остальных нарушений следующая.

Привлечение в качестве обвиняемого (предание суду) лица, виновность которого в данном случае подтвердить нельзя, — 12%, содержание под стражей лица при очевидной недоказанности его участия в преступлении — 9%, избрание иной меры пресечения в отношении указанного лица — 14%, неизменность доказательственной основы для принятия решений о виновности лица (на момент, когда доказывание виновности еще возможно) и окончании производства „по рассматриваемой категории дел — 5%, невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на предотвращение недоказанности обстоятельств дела — 2%, невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на своевременное определение недоказанности обстоятельств дела — 0,5%,

Пять нарушений одновременно встречались лишь в 0,4% дел, шесть — ни в одном.

Следует отметить, что за период с 1969 по 1979 г. распространенность названных нарушений существенно не менялась (табл. 1). Значит, в работе некоторых органов предварительного расследования не все обстоит благополучно. Так, если, по данным статистической отчетности прокуратуры Красноярского края, число дел, прекращенных за недоказанностью обстоятельств дела, к общему числу прекращенных дел за

Таблица 1

Показатели, характеризующие деятельность следователя, %

	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	в среднем
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Производство процессуальных действий по делу, недоказанность обстоятельств которого очевидна	80	75	83	78	81	84	77	74	85	82	70	79
Привлечение в качестве обвиняемого лица, виновность которого подтвердить нельзя	17	14	10	13	7	9	14	11	16	10	11	12
Составление обвинительного заключения по делу о таком лице	0,9	0,6	0,8	0,3	0,1	0,3	0,4	0,1	0,4	0,7	0,8	0,5
Арест лица, виновность которого подтвердить нельзя	14	7	12	6	10	10	8	6	9	13	4	9
Избрание иной меры пресечения в отношении этого лица	18	10	16	12	15	13	20	8	12	16	14	14
Неизменность доказательственной основы для принятия решений о виновности лица (на момент, когда доказывание виновности еще возможно) и прекращения дела	8	6	9	4	3	3	7	4	6	2	3	5

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на предотвращение недоказанности обстоятельств уголовного дела	5	2,5	1,5	1	1,7	1,4	1	2,2	2,4	2,3	1	2
Невыполнение указаний прокурора или суда, направленных на временное определение недоказанности обстоятельств уголовного дела	0,9	0,7	0,3	0,2	0,3	0,3	0,6	0,1	0,9	0,4	0,8	0,5

Таблица 2

Дела, прекращенные за недоказанностью их фактических обстоятельств (из числа всех прекращенных), %

	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	в среднем
Официальные данные	1,4	1,3	1,3	0,9	0,7	0,6	0,5	0,3	0,001	0,2	0,1	0,7
Данные выборочного исследования	24	20	24	24	26	23	20	21	22	21	25	23

Период с 1969 по 1979 г. составило в среднем 0,7%, то по данным нашего исследования — 23% (табл. 2).

Вывод об определенных отрицательных моментах в работе правоохранительных органов подтверждают в некотором отношении и следующие данные: с 1969 по 1979 г. в Красноярском крае в среднем содержалось под стражей из числа лиц, дела которых прекращены за недоказанностью участия обвиняемого в преступлении, отсутствием состава преступления и отсутствием события преступления, — 45,6%, а из числа лиц, дела которых прекращены судом или оправданных, — 39,7%.

Об этом свидетельствует и тот факт, что количество частных определений, вынесенных по недостаткам работы органов дознания, предварительного следствия и суда в г. Ленинграде, в 1976 г. составило почти 1/3 от общего количества вынесенных частных определений, а в 1978 г. количество таких определений только по делам, законченным производством по ст. 103 УК, составило более половины от общего числа.

Следовательно, использование в качестве показателей названных нарушений, может иметь значение для более полного представления о недостатках в работе следователя и суда и для разработки системы мероприятий, направленных на устранение этих недостатков.

Учет приведенных показателей на практике будет способствовать повышению уровня требовательности к работе следователя, прежде всего к постановлениям о прекращении уголовного дела за недоказанностью их фактических обстоятельств. На наш взгляд, требования должны быть такими, чтобы стимулировать следователей к тщательному анализу всей своей деятельности, выявлению всех ошибок и нарушений и избежанию их в дальнейшем. Речь идет о том, чтобы изложить в постановлении «весь тот фактический и юридический материал, который позволяет характеризовать решение как законное и обоснованное, дать ему нравственную оценку как справедливому»⁵⁴.

Постановление о прекращении уголовного дела за недоказанностью должно отражать следующее:

уровень доказанности обстоятельств уголовного дела (недостаточность доказательств, их качество);

невозможность дальнейшего доказывания в данном случае (характеристику тех действий, производство которых не-

обходимо для определения наличия недоказанности обстоятельств дела);

причины недоказанности (характеристику нарушения закона, которое привело к недоказанности обстоятельств дела)⁵⁷.

Проведенное нами исследование показало, что, как правило, эти требования не учитываются или учитываются неполно. Мы не обнаружили ни одного постановления, в котором были бы учтены два последних требования. Что касается первого, то оно находит определенное отражение, но далеко не полностью, в большинстве случаев следователи ограничиваются перечислением имеющихся в деле доказательств и их источников, без конкретного и детального анализа. Обычно после перечисления доказательств следует лишь вывод о том, что их недостаточно. Иногда следователи находят нужным указать, что собранные по делу доказательства сомнительны и противоречивы. При этом некоторые ссылаются на правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого. Почти во всех постановлениях при анализе доказательств нет ссылки на листы дела.

С одной стороны, подобное положение объясняется необоснованными требованиями достижения истины во всех без исключения случаях⁵⁶, что вызывает у следователей стремление «выдать за достоверное то, что таковым в действительности не является»⁵⁷, а также приводит и к иным отрицательным последствиям⁵⁸.

С другой стороны, закон, регламентирующий содержание постановлений о прекращении уголовного дела (ст. 209 УПК), недостаточно конкретен. В нем указано только то, что постановление должно быть мотивировано, содержать изложение сущности дела и основания его прекращения. Поэтому для конкретизации этих общих положений приходится обращаться к другим статьям уголовного-процессуального кодекса. Речь идет о ч. 2 ст. 314 УПК РСФСР, регламентирующей составление описательной части оправдательного приговора, и ч. 3 ст. 351 УПК, устанавливающей содержание определения кассационной инстанции об отмене или изменении приговора. Согласно последней необходимо указывать, в чем заключается нарушение уголовно-процессуального закона или в чем состоит необоснованность приговора. Логично предположить что если кассационная инстанция должна указать, в чем состоит необоснованность отмененного приговора, то суд, вынося оправдательный приговор, а следовательно, и определе

ние о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, должен также указать, почему не подтвердилось обвинение, подозрение или предположение о совершении преступления. В ч. 2 ст. 314 УПК как раз содержится требование, согласно которому суд при постановлении приговора должен не только привести оправдательные доказательства, но и объяснить, почему им отвергнуты обвинительные доказательства. Однако в случаях недоказанности обстоятельств дела этого еще недостаточно. В приговоре нужно отразить, в чем заключается невозможность дальнейшего доказывания по данному делу. Такая необходимость вытекает в какой-то мере и из самой ст. 209 УПК, предлагающей изложить в постановлении основания прекращения дела, т. е. фактически отсылающей к другим статьям кодекса. В случае недоказанности обстоятельств дела это будет, следовательно, ст. 208 УПК РСФСР, п. 2 которой связывает прекращение дела при недостаточности доказательств виновности лица с исчерпанием всех возможностей собирания доказательств.

Наверное, надлежит внести определенные изменения как в ст. 209 УПК, так и в ст. 314 УПК.

Ст. 209 УПК следует дополнить таким положением (разместив его после ч. 1): в постановлении о прекращении дела за недоказанностью его фактических обстоятельств необходимо отразить, в чем заключается невозможность дальнейшего доказывания, причины недоказанности обстоятельств дела и меры принятые для их преодоления.

Аналогичным положением надлежит дополнить ч. 2 ст. 314 УПК: в оправдательном приговоре суда, вынесенном ввиду недоказанности фактических обстоятельств дела, необходимо отразить, в чем заключается невозможность дальнейшего доказывания, причины недоказанности обстоятельств дела и меры, принятые для их преодоления⁵⁹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 38.

² Якубович Н. А. Теоретические основы предварительного следствия. — М., 1971. с. 9.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 92.

⁴ См.: Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам.—В кн : Науч. тр ВНИИСЭ. М., 1979, вып. 39, с. 10.

⁵ Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. — М., 1977, с. 114.

⁶ См.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л., 1976, с. 33.

- ⁷ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.— М., 1968, т. 1, с. 359.
- ⁸ Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе.— М., 1955, с. 214.
- ⁹ Тамаш А. Судья и общество. Диалектика правосознания и правоприменения. — М., 1980, с. 89.
- ¹⁰ Там же;
- ¹¹ Резник Г. Оправдание за недоказанностью.— Сов. юстиция, 1969, №15, с. 12.
- ¹² См.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики; — М., 1970, с. 12—13.
- ¹³ Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Л., 1963, с. 26—28.
- ¹⁴ Там же, с. 27.
- ¹⁵ Здесь надо иметь в виду и деятельность определенного лица по сокрытию следов преступления еще до решения вопроса о возбуждении уголовного дела.
- ¹⁶ Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права, с. 28.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с. 195.
- ¹⁸ Заметим, что характеристика такой деятельности в литературе дается в плане общей теории ошибок и не означает, кстати сказать, создания теории совершения ошибок, поскольку прямо способствует выработке научно-практических рекомендаций по их устранению. См.: Вопленко Н. Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды.—Сов. гос-во и право, 1981, № 4, с. 42.
- ¹⁹ См.: Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности.—М., 1979, с.216—218; Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия.— М., 1979, с. 226—227; Эффективность правовых норм /Под ред. В. Н. Кудрявцева.— М., 1980, с. 120-121.
- ²⁰ См.: Ларин А. М. От следственной версии к истине.— М., 1976, с. 41; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе.— Харьков, 1979, с. 18.
- ²¹ См.: Ларин А. М. Критерии оценки органов расследования.—В кн.: Сибирские юрид. зап. Иркутск—Омск, 1973, вып. 3, с. 28—33; Побежинов А. Меры поощрения и взыскания - важная форма воспитания кадров. — Соц. законность, 1977, № 5, с. 22; Сухарев А. Работе с кадрами—неослабное внимание. — Сов. юстиция, 1981, № 4, с. 3—5; Меркушев А. Организующая роль коммунистов в повышении эффективности и качества судебной деятельности. — Сов. юстиция, 1981, № 1, с. 11—13.
- ²² См.: Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность.— М., 1976, с. 101—102, 161; Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология.— М., 1982, с. 160—190; и др.
- ²³ См.: Куклин В. И. Неотложные следственные действия.— Казань, 1967, с. 116—140; Танасевич В. Г. Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений.— В кн.: Сов. криминалистика: Теоретич. пробл. М., 1978, с. 184—185; и др.
- ²⁴ См.: Архив прокуратуры Советского р-на г. Красноярска, 1970
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.

- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: Бюл. Верхов. Суда РСФСР, 1962, № 3, с. 11—12.
- ²⁹ См.: Там же, № 12, с. 9—10.
- ³⁰ См.: Архив прокуратуры Советского р-на г. Красноярска, 1970.
- ³¹ Бюл. Верхов. Суда СССР, 1958, № 1, с. 29—30.
- ³² Бюл. Верхов. Суда РСФСР, 1962, № 3, с. 11—12.
- ³³ Архив прокуратуры Совет. р-на г. Красноярска, 1970.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Бюл. Верхов. Суда РСФСР, 1968, № 9, с. 8—9.
- ³⁸ См.: Архив прокуратуры Октябр. р-на г. Ленинграда, 1980.
- ³⁷ См.: Бюл. Верхов. Суда СССР, 1960, № 3, с. 37—40
- ³⁸ Там же, 1959, № 2, с. 20—21.
- ³⁹ Бюл. Верхов. Суда РСФСР, 1978, № 1, с. 7—8.
- ⁴⁰ Бюл. Верхов. Суда СССР, 1959, № 5, с. 11—15.
- ⁴¹ См.: Алексеев Н. С., Даев В. Г. Уголовно-процессуальная политика Советского государства на современном этапе.— Правоведение, 1977, № 5, с. 99; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980, с. 10—12.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т.36, с. 171, 175, 184—187.
- ⁴³ Там же т, 44, с. 397.
- ⁴⁴ Карнеева Л. М., Чувилев А. А. Критерии оценки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности.—Сов. гос-во и право, 1978, № 3, с. 96, 100.
- ⁴⁵ Там же, с. 10. См. также: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы.—М., 1976, с. 89; Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств.— М., 1977, с. 113.
- ⁴⁶ Корневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования.— М., 1974, с. 19—20.
- ⁴⁷ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1970., с. 188—189.
- ⁴⁸ См.: Басков В. И., Темушкин О. П. Прокурор в суде второй инстанции.— М., 1972, с. 65—67; Маляров М. Выше уровень государственного обвинения.— Соц. законность, 1972, № 8, с. 10—12.
- ⁴⁹ Здесь и в дальнейшем под неустранимыми нарушениями закона мы будем иметь в виду только такие нарушения, которые так или иначе ведут к недоказанности фактических обстоятельств дела.
- ⁵⁰ Архив прокуратуры Октябр. р-на г. Ленинграда, 1980.
- ⁵¹ Имеется в виду сохранение этого положения при обстоятельствах, исключающих признание лица обвиняемым или подозреваемым.
- ⁵² См.: Бюл. Верхов. Суда СССР, 1959, № 1, с. 16—18,
- ⁵³ См.: Карнеева Л. М., Чувилев А. А. Критерии оценки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности, с. 99—100; Манаев Ю. В. Обоснованность процессуальных решений следователя.— Сов. гос-во и право, 1978, № 5, с. 87—88.
- ⁵⁴ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма.— М., 1976, с. 153.
- ⁵⁵ Правильно, на наш взгляд, этот вопрос решают В. Г. Степанов и В. В. Шимановский, указывающие, что в постановлении о прекращении уголовного дела за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления следователь обязан «дать анализ имеющихся в деле до-

казательств и показать их недостаточность для вывода об участии этого лица в совершении преступления». См.: Степанов В. Г., Шимановский В. В. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования.— Л., 1979, с. 15.

⁵⁶ Как справедливо отмечает В. Д. Арсеньев, практически важно различать цель доказывания (достижение истины), которая не всегда осуществима, и задачи доказывания (принятие всех мер к достижению истины), которые могут быть осуществимы. См.: Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам—В кн.: Науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1979, вып. 39, с. 14.

⁵⁷ Курьлев С. В. Два выстрела.— Известия, 1967, 9 дек.

⁵⁸ См.: Арсеньев В. Д. Истина, достоверность и обоснованность..., с. 12—13, 24—25.

⁵⁹ Сказанное отнюдь не устраняет необходимость совершенствования указанных статей с других позиций. В то же время оно будет иметь значение для совершенствования других статей УПК, особенно ст. 321 и 355 УПК, касающихся частных определений суда первой и кассационной инстанций.

III.

§ 1.

—)
;)
(
(. 2 . 208).
(. 1 3 . 2
. 309).
(. 2 . 349).
» ; « » («

доказанность»), «не установлено», «не подтверждено доказательствами». Сами по себе эти расхождения не имеют значения, поскольку «установить» в уголовном процессе — значит «удостоверить, доказать, подтвердить какое-нибудь положение фактами, доводами»¹. Однако они могут способствовать двусмысленному пониманию недоказанности фактических обстоятельств дела, если соответствующая формулировка закона не отразит факта невозможности доказывания в конкретном случае.

Иначе, под недоказанностью обстоятельств дела можно понимать как отсутствие, так и недостаточность доказательств для достоверного вывода. Кроме того, недоказанность вообще означает только то, что процесс доказывания не завершен, в принципе предполагая его завершение состоянием доказанности обстоятельств уголовного дела.

К сожалению, законодатель далеко не во всех случаях формулирования соответствующих оснований предусмотрел необходимость указания на невозможность доказывания в дальнейшем. Этот факт нашел полное и ясное выражение (п. 2 ст. 208 УПК) только применительно к предварительному расследованию, а в судебном разбирательстве он не отражен совсем.

В кассационном производстве предусмотрено следующее условие отмены обвинительного приговора и прекращения дела — отсутствие оснований для дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения (ч. 2 ст. 349 УПК). На первый взгляд, такая формулировка не затрудняет понимания недоказанности обстоятельств дела. Если при вероятном уровне знаний нет необходимости для дополнительного расследования и нового судебного рассмотрения, то нет и возможности доказывания в дальнейшем. Однако и при достоверном уровне знаний надобность в данном условии не отпадает, поскольку, например, вынесение приговора незаконным составом суда, несомненно, является основанием для нового судебного рассмотрения. Поэтому любое определение недоказанности обстоятельств дела должно содержать конкретное указание на невозможность доказывания в дальнейшем.

Аналогично должен быть решен рассматриваемый вопрос и в УПК других союзных республик. Положительный пример показывают в этом отношении УПК УССР и Грузинской ССР. По ч. 2 ст. 359 УПК Грузинской ССР дело подлежит прекращению, а приговор отмене, если отсутствуют возможнос-

ти установления дополнительных доказательств, по ст. 375 УПК УССР — когда новое рассмотрение дела не может дать достаточных сведений для вынесения обвинительного приговора.

Анализ сравниваемых оснований прекращения дела (оправдания) показывает, что закон определил понятие «недоказанность» применительно к участию обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления, к событию преступления и к обвинению в целом.

Выше нами сделан вывод о существовании фактически трех обстоятельств, недоказанность которых ведет к прекращению дела (оправданию). Речь шла об участии лица в совершении преступления, виновном совершении лицом инкриминируемого ему деяния и событии преступления². Все эти обстоятельства входят в предмет доказывания по уголовному делу, и только их недоказанность влечет прекращение дела или оправдание подсудимого³.

Что касается обвинения, то это понятие комплексное. По своему содержанию оно охватывает все, что подлежит доказыванию. Однако под недоказанностью обвинения закон может подразумевать недоказанность только трех вышеперечисленных обстоятельств.

Таким образом, законодатель буквально не определил в законе лишь виновное совершение лицом преступления, не разграничивая этот случай с недоказанностью участия лица в совершении преступления. Ибо совершить преступление можно только с умыслом или по неосторожности.

Тем не менее и факт наличия двух других обстоятельств, недоказанность которых обуславливает недостижение познавательного результата в уголовном процессе, не нашел должного отражения в законе. Так, только в стадии судебного разбирательства недоказанность предусмотрена в отношении и участия лица в совершении преступления, и события преступления. А в стадии предварительного расследования, согласно УПК большинства союзных республик, недоказанность предусмотрена в отношении участия лица в совершении преступления, в то время как и в отношении события преступления она, по всей вероятности, не может быть исключена. В какой-то мере данный недостаток устранен в УПК Латвийской ССР, определившем недоказанность предъявленного обвинения как основание прекращения дела (п. 2 ч. 2 ст. 208). Однако такая формулировка оставляет открытым вопрос о возможно-

сти недоказанности события преступления до момента предъявления обвинения.

В стадии кассационного производства большинство УПК союзных республик предусмотрело недоказанность по отношению к обвинению в целом⁴. В то же время в УПК ряд союзных республик недоказанность установлена лишь применительно к участию подсудимого (осужденного) в совершении преступления или к виновности (п. 2 ст. 349 Латвийской ССР, п. 2 ст. 390 УПК Литовской ССР и п. 2 ст. 31 УССР).

Такое расхождение, видимо, не случайно. Указание в законе на недоказанность обвинения в целом создает впечатление, что речь идет об обвинении в смысле утверждения виновности и только. В определенной мере избежать этого удалось в УПК УССР, признающем недоказанность выводов суда первой инстанции (ст. 373). Но какие выводы имеются в виду, закон и здесь не уточняет.

Все это наводит на мысль, что, возможно, законодатель вообще не разграничивает понятие недоказанности по отношению к событию преступления и по отношению к участию лица в совершении преступления. Тем самым под сомнение ставится признание недоказанности события преступления (объективной стороны) самостоятельным основанием прекращения уголовного дела (оправдания). Но это противоречит практике фактического прекращения дел (оправдания) по данному основанию (в рамках других, предусмотренных законом). Последнее утверждение справедливо также и применительно к недоказанности виновного совершения лицом инкриминируемого ему деяния.

Последствия недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела различны. В одном случае — прекращение уголовного дела в целом, в другом — только в отношении данного лица, в третьем — вообще нет необходимости принятия какого-либо решения. На наш взгляд, для правильного решения вопроса о последствиях недоказанности нужно руководствоваться следующим: во-первых, возможностью предположения на основе обнаруженных признаков преступления наличия не одного, а нескольких событий преступления; во-вторых, необходимости реабилитации конкретного лица, опороченного неправомерным обвинением (подозрением) или судебным приговором.

Как уже отмечалось, обнаруженные признаки преступления на начальных этапах доказывания допускают самую раз-

личную интерпретацию и дают возможность предположить, в частности, наличие не одного, а нескольких событие преступления⁵. Хотя все предположения о событии преступления фиксируются по-разному — либо в основных, итоговых процессуальных документах (например, наиболее обоснованное в постановлении о возбуждении уголовного дела), либо по мере доказывания. Но так или иначе лишь постольку, поскольку это необходимо для принятия однозначного решения по делу.

Не исключено, что в ходе доказывания наличие какого-либо из предполагаемых событий преступления не удастся подтвердить или установить его отсутствие. При таких условиях, если предположение наличия указанного события связано с предположением его совершения определенным лицом, которое было заподозрено неофициально, в принятии какого-либо решения нет необходимости⁶.

Другое дело, когда в результате доказывания все предположения о событии преступления исключены (фактически или юридически). Тогда, очевидно, должно быть принято решение о прекращении дела в целом, независимо от того, было ли какое-либо лицо, предполагаемые действия (бездействия) которого доказывались, опорочено официальным подозрением или нет.

Если же в отношении определенного лица, опороченного перед обществом, были разрешены все подозрения, а возможность совершения преступления другим лицом не исключена, то должно быть принято решение о прекращении уголовного дела в отношении только данного лица⁷. Причем в зависимости от наличия условий, перечисленных в ст. 195 УПК, производство либо приостанавливается, либо прекращается.

Сказанное, вероятно, не нашло достаточно полного отражения в законе. Так, по ст. 208, 309 УПК прекращение дела (оправдание) в отношении данного лица возможно только за недоказанностью участия обвиняемого или подсудимого в совершении преступления, что, по нашему мнению, не соответствует реальному положению вещей по изложенным выше соображениям. Что касается ст. 349 УПК, то она вообще не регламентирует этот вопрос.

Поэтому, на наш взгляд, при разграничении в законе недоказанности применительно к субъекту, субъективной и объективной стороне необходимо учесть возможность: а) как прекращения дела в целом, так и только в отношении данно-

го лица; б) как приостановления, так и продолжения производства по делу.

С этой целью ч. 2 ст. 208 УПК следовало бы изложить в следующей редакции: если при наличии реабилитирующих оснований прекращения дела в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, следователь обязан принять все меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Редакцию ч. 4 ст. 309 УПК следовало бы изменить, изложив ее таким образом: если при наличии оснований для постановления оправдательного приговора в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, суд, по вступлении приговора в законную силу, направляет дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Ст. 349 УПК дополнить ч. 2: если при наличии реабилитирующих оснований прекращения дела в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, дело направляется прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Из сказанного можно сделать определенный вывод. Характерные особенности недоказанности обстоятельств уголовного дела как основания его прекращения (оправдания) не нашли достаточно полного и ясного выражения в законе:

нет единства терминологии, употребляемой для обозначения понятия «недоказанность»;

не всегда соответствующая формулировка закона отражает или точно определяет факт возможности дальнейшего доказывания;

не во всех стадиях, где это необходимо, отражен или четко определен факт наличия трех обстоятельств, недоказанность которых препятствует успешному завершению доказывания;

в УПК союзных республик существуют различия в регулировании окончания производства по делу ввиду недоказанности его фактических обстоятельств;

нет полной ясности в вопросе о правовых последствиях недоказанности обстоятельств уголовного дела.

Говоря, об основаниях прекращения уголовного дела (оправдания) за недоказанностью его обстоятельств, до сих пор мы упоминали о них применительно к трем стадиям уголовного процесса: предварительного расследования, судебного

разбирательства и кассационного производства. Это было обусловлено тем, что только в этих стадиях закон дает определения указанных оснований.

Возникает вопрос: допустимо ли применение оснований прекращения дела (оправдания) за недоказанностью его обстоятельств в других стадиях процесса?

В большинстве случаев закон не содержит строго определенных предписаний на этот счет. Поэтому рассмотрим последовательно все стадии (кроме трех названных) уголовного процесса с точки зрения возможности в каждой из них прекращения дела (оправдания) за недоказанностью его фактических обстоятельств.

В стадии возбуждения дела вопрос сводится к тому, может ли недоказанность фактических обстоятельств исключать уголовное Судопроизводство. На наш взгляд, этого в данной стадии не может быть. Дело в том, что вообще возбуждение уголовного дела связывается с наличием лишь обоснованного предположения о совершении преступления⁹. Оно и понятно, поскольку возможности доказывания в этой стадии ограничены и даже несомненны для должностного лица, решающего вопрос о возбуждении дела, обстоятельства преступления подлежат подтверждению следственным путем. Следователь (дознатель), прежде чем прийти к выводу о невозможности дальнейшего доказывания, должен попытаться разрешить имеющиеся у него сомнения в условиях предварительного расследования. Быть может, его уверенность в невозможности доказывания в дальнейшем уступит место уверенности в обратном. Поэтому не права Н. А. Якубович, утверждающая, что недоказанность (неустановление) события преступления в стадии возбуждения уголовного дела означает его отсутствие и исключает производство по делу¹⁰.

Отказ в возбуждении уголовного дела ввиду недоказанности его фактических обстоятельств был бы внутренне противоречив, поскольку предполагал бы вероятный уровень знаний о преступлении, который характерен и для основания возбуждения дела (обоснованного предположения о совершении преступления), т. е. такой отказ фиксировал бы, с одной стороны, наличие оснований для производства по делу, а с другой — наличие обстоятельства, исключающего уголовный процесс.

Вот почему мы и разделяем позицию; законодателя, не предусмотревшего в качестве основания, исключающего про-

изводство по уголовному делу, недоказанность его фактических обстоятельств¹¹.

В стадии предания суду прекращение уголовного дела за недоказанностью его обстоятельств допускается ст. 234 УПК. Думается, что и с теоретических позиций это вполне оправданно¹². Во-первых, вывод о недоказанности обстоятельств дела в стадии предания суду никак не преддрешает вопроса о виновности. Во-вторых, изучение материалов дела в ряде случаев вполне достаточно для определения того пробела в доказывании, который возник на предварительном следствии или дознании и неустраним¹³.

При исполнении приговора недоказанность обстоятельств дела как основание его прекращения не может иметь место. Хотя в этой стадии и осуществляется доказывание, но оно не касается существа тех обстоятельств, недоказанность которых ставит под сомнение истинность приговора.

В надзорном производстве вопрос о недоказанности обстоятельств дела рассматривается по аналогии с решением в кассационном производстве. Ст. 378 УПК предоставляет право суду в порядке надзора отменить приговор и все последующие судебные решения и прекратить дело. При этом закон не указывает, по каким основаниям возможно прекращение дела, но, говоря об основаниях к отмене приговора (ст. 379), отсылает к ст. 342 УПК, имеющей в виду не просто отмену приговора, а отмену с прекращением дела. Поэтому от ст. 342 УПК мы неизбежно приходим к ст. 349 УПК, которая как раз и формулирует основание прекращения уголовного дела за недоказанностью его фактических обстоятельств.

По аналогии решается этот вопрос и в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Регламентирующий данный этап уголовного процесса закон содержит лишь самые общие указания о возможности прекращения производства по делу прокурором (ч. 2 ст. 387 УПК) и судом (п. 2 ст. 389 УПК). Значит, подразумевается прекращение уголовного дела (производства по делу), на любом основании, предусмотренном УПК, в том числе п. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 349.

Итак, прекращение уголовного дела (оправдание) за недоказанностью его фактических обстоятельств допустимо во всех стадиях уголовного процесса, кроме возбуждения уголовного дела и исполнения приговора. Причем требования, предъявляемые к таким основаниям, остаются неизменными независимо от этапа судопроизводства, в котором они при-

меняются. Данное обстоятельство наводит на мысль о, целесообразности создания общей нормы, наиболее полно выражающей указанные требования. Тогда не нужно будет определять недоказанность обстоятельств дела во всех стадиях, где необходимо применение соответствующих оснований, ограничиваясь всякий раз ссылкой на общую норму. В действующем же законодательстве функцию такой нормы выполняют три статьи УПК — 208, 309, 349, что не рационально. Причем не во всех соответствующих случаях прекращения указывается на необходимость делать ссылку на названные статьи.

Таким образом, налицо пробелы в законе. Для их устранения необходимо:

отразить в законе три основания прекращения уголовного дела (оправдания) за недоказанностью его обстоятельств;

существующие формулировки оснований прекращения уголовного дела (оправдания) за недоказанностью привести в соответствие с характерными особенностями последней или, что более рационально, дать всеобъемлющее определение недоказанности как исключительного состояния доказывания по уголовному делу в одной статье УПК (например, ст. 208), подчеркнуть необходимость делать ссылку на нее во всех случаях возникновения недоказанности. С этой целью внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 208, 309, 349, 378, 387, 389 УПК.

Ст. 208 УПК изложить так:

Уголовное дело прекращается:

- 1) при наличии оснований, указанных в статьях 5—9 настоящего Кодекса;
- 2) недоказанности события преступления;
- 3) недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления;
- 4) недоказанности вины обвиняемого в совершении инкриминируемого ему деяния.

В случаях недоказанности перечисленных обстоятельств уголовное дело прекращается, если исчерпаны все возможности для собирания и исследования доказательств.

Если при наличии реабилитирующих оснований прекращения дела в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, следователь обязан принять все меры к обновлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Изменить ч. 3, 4 ст. 309, изложив ее следующим образом:

Оправдательный приговор постановляется в случаях, указанных в пунктах 1, 2 статьи 5 и пунктах 2—4 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

Если при наличии оснований для постановления оправдательного приговора в отношении данного лица по делу не исключена возможность дальнейшего доказывания, суд, по вступлении приговора в законную силу, направляет дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Редакцию ст. 349 УПК изменить, изложив ее так:

Приговор суда подлежит отмене, а уголовное дело прекращению при наличии оснований и условий, указанных в статьях 5—9, а также пунктах 2—4 части 1 и 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

Если при наличии оснований для прекращения дела по реабилитирующим основаниям в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, дело направляется прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Дополнить ч. 1 ст. 379 УПК, сформулировав таким образом:

Основаниями к отмене приговора, определения или постановления суда являются обстоятельства, указанные в статье 384, а также в статьях 5—9 и в пунктах 2—4 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

§ 2. Особенности правового регулирования окончания уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств

Анализ системы реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (оправдания) и практики их применения позволяет выделить несколько случаев недоказанности и доказанности обстоятельств дела (влекущих прекращение дела или оправдание), которые буквально не отражены в законе в качестве соответствующих оснований. Обычно в литературе говорят о двух таких случаях — недоказанности события преступления и непричастности к его совершению¹⁴. Иногда, конкретизируя основание дела, указанное в п. 2 ст. 208 УПК, некоторые авторы выделяют недоказанность участия подозреваемого в совершении преступления¹⁵. Такая

позиция, на наш взгляд, отразила необходимость, во-первых, самостоятельного регулирования отдельных случаев доказанности или недоказанности как оснований прекращения уголовного дела (оправдания); во-вторых, дифференциации соответствующих случаев (фактически рассматриваемых в законе и на практике как один), требующих отдельного регулирования; в-третьих, конкретизации случаев (как предусмотренных, так и не предусмотренных в законе), не требующих отдельного регулирования.

Мы имеем в виду: а) отражение в законе в качестве самостоятельного основания прекращения дела (оправдания) недоказанности события преступления¹⁶; б) дифференциацию и самостоятельное регулирование случаев непричастности лица к совершению преступления¹⁷ (несовершение лицом преступного деяния и невиновное совершение лицом инкриминируемого ему деяния) и случаев недоказанности совершения лицом преступления (недоказанность преступных действий или бездействий данного лица вообще и недоказанность виновного совершения лицом инкриминируемого ему деяния); в) учет возможности применения соответствующих случаев в качестве оснований прекращения уголовного дела (оправдания) в отношении как обвиняемых, подсудимых (или лиц, которые должны быть привлечены в качестве обвиняемого, но не привлечены), так и в отношении подозреваемых.

Таким образом, возникает проблема совершенствования правового регулирования всех перечисленных выше случаев в рамках системы реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания).

Отметим, что существует два аспекта этой проблемы. В первом речь идет о соотношении фактического содержания того или иного основания и юридического вывода из него (например, соотношение недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления как фактического основания прекращения дела и доказанности неучастия обвиняемого в совершении преступления как юридического вывода из этого основания¹⁸. Во втором — о соотношении содержания юридической нормы, предусматривающей та или иное реабилитирующее основание прекращения дела (оправдания), и буквального толкования такой нормы. Именно в этом плане мы будем рассматривать далее указанную проблему, которая может быть поставлена так: какие случаи доказанности и недоказанности обстоятельств уголовного дела регулируются путем применения того или иного предусмотренного законом

реабилитирующего основания прекращения дела (оправдания), кроме случаев, соответствующих буквальному смыслу данного основания?

Ответ на данный вопрос, очевидно, имеет значение, во-первых, для совершенствования системы реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания), в том числе за недоказанностью; во-вторых, для улучшения практики применения соответствующих норм права; в-третьих, для усиления гарантий неприкосновенности граждан в уголовном процессе, что особенно важно в свете решений XXVI съезда КПСС.

Реабилитирующее основание прекращения уголовного дела (оправдания) — это обстоятельства, доказанность или недоказанность которых влечет признание определенного лица, неправоммерно обвинявшегося или подозревавшегося в совершении преступления, невиновным, либо признание события, наличие и преступный характер которого предполагался, непроступным или несуществующим. Поэтому все случаи установления (неустановления- либо невозможноеTM достоверного установления) обстоятельств дела, разрешаемые в рамках системы реабилитирующих оснований, объединены в эту систему по определенному общему признаку направленности на реабилитацию. В то же время каждое реабилитирующее основание имеет и специфические черты. Иначе говоря, чтобы выступать в качестве самостоятельного основания прекращения уголовного дела (оправдания), любой случай, претендующий на это, должен быть индивидуально определен, то есть по своим существенным признакам отличаться от других, сформулированных в законе.

Следовательно, все, буквально не отраженные в качестве реабилитирующих оснований, случаи противоречат каждому из них своим специфическим содержанием и одновременно связаны с ними общей направленностью на реабилитацию.

Кроме того, для определения возможности разрешения названных случаев путем применения того или иного предусмотренного законом основания необходимо иметь в виду следующее. Если у всех оснований данной системы должен быть общий признак, по которому они к ней причисляются, то у двух оснований (либо основания и случая) общего может быть и больше. Поэтому при сравнении каждого реабилитирующего основания с каждым конкретным случаем, претендующим на разрешение путем применения этого основания, число общих и отличительных признаков относительно другого основания и другого случая будет неодинаковым. Так,

Можно выяснить, какое основание прекращения дела (оправдания) по реабилитирующим мотивам больше всего соответствует тому или иному буквально не отраженному в законе случаю. При этом нужно учитывать требования, предъявляемые к аналогии уголовно-процессуального закона¹⁹.

Относительно легко решается вопрос о недоказанности участия подозреваемого в совершении преступления — на основании п. 2 ст. 208 УПК.

Другие основания непригодны для регулирования этого случая, так как имеют большее число отличий по сравнению с указанным основанием. Отличие же последнего от рассматриваемого случая заключается в процессуальном положении, занимаемом лицом, участие которого в совершении преступления не доказано. В то же время сущность у них одна: во-первых, в отношении конкретного лица есть неразрешенные и неразрешимые сомнения в его участии в преступлении, во-вторых, это лицо опорочено, его достоинство и честь унижены. По этой причине изменение процессуального положения не имеет значения. Иначе говоря, процессуальное положение лица, участие которого в преступлении не доказано, не является существенным признаком сравниваемых оснований и случая. Следовательно, недоказанность участия подозреваемого в совершении преступления правомерно разрешать в рамках п. 2 ст. 208 УПК. Отсюда и вывод о единстве случая и основания, поскольку и там и здесь не доказан субъект преступления (фактические признаки). Последнее справедливо и для случаев недоказанности и отсутствия виновного совершения преступления (вины), а также непричастности лица к преступлению²⁰.

Более сложным представляется правовое регулирование прекращения дела (оправдания) за недоказанностью события преступления. На применение в таком случае могут претендовать многие реабилитирующие основания, прежде всего — предусмотренные п. 1,2 ст. 5 УПК.

Оба эти основания — отсутствие состава преступления и отсутствие события преступления — сформулированы таким образом, что исключают возможность толкования их как характеристик недостоверного уровня знаний. Поскольку случаи доказанности и недоказанности однородны только по правовым последствиям (прекращению дела), постольку здесь невозможно применение уголовно-процессуального закона по аналогии.

В литературе высказано и другое мнение, согласно кото-

рому в случаях недоказанности события преступления уголовное дело следует прекратить на основе п. 1 ст. 5 УПК²¹.

Существует и точка зрения, что в указанных случаях дело следует прекращать по п. 2 ст. 208 УПК. В какой-то мере она отражена и в указании Прокуратуры СССР № 4/40 от 7 июня 1963 г. «О порядке прекращения дел за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления», где следователям предлагается не приостанавливать производством дела, прекращенные за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления в тех случаях, когда не установлено событие преступления или по обстоятельствам дела исключается совершение преступления другим лицом²².

Однако недоказанность участия лица в совершении преступления означает прежде всего то, что преступный характер деяния, участие в котором и доказывается, очевиден²³. В то же время недоказанность события преступления означает как раз вероятное знание о его наличии. По своему содержанию сравниваемые категории исключают друг друга: если не доказано наличие преступления, то, наверное, бессмысленно говорить об участии в нем каких-либо лиц.

Следовательно, вопрос о недоказанности события преступления не может быть разрешен на основе п. 2 ст. 208 или п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК.

Правда, на практике встречаются случаи, когда такое решение возможно. Они имеют следующие особенности: во-первых, известен круг деяний, которые могут представлять собой либо одно преступление (с квалифицирующими признаками или без них), либо несколько преступлений; во-вторых, конкретно определен и ограничен круг лиц, могущих совершить преступные деяния; в-третьих, неизвестно, кто из данного круга лиц какое деяние совершил и в какой взаимосвязи. Причем все возможности доказывания исчерпаны.

Так, несовершеннолетние Ф., Б., К. и Ш. находились в следственном изоляторе, в общей камере. По заявлению К. и Ш. против Ф. и Б. было возбуждено уголовное дело. Как пояснили К. и Ш., 17 февраля 1975 г. Ф. и Б. совершили с ними насильственный акт мужеложства. На первоначальных допросах Ф. и Б. признали себя виновными. Однако после предъявления им обвинения отказались от своих прежних показаний. Вина Ф. и Б. подтверждалась показаниями потерпевших и основанным на обследовании Ш. заключением судмедэкс-

перта, согласно которому акт мужеложства в отношении данного потерпевшего имел место²⁴.

Итак, акт мужеложства по делу достоверно установлен. Не подтверждено достаточными доказательствами только квалифицирующее обстоятельство: насильственный характер совершенных действий. На первый взгляд, следователь может применить правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого и привлечь» Ф. и Б. к ответственности по ч. 1 ст. 121 УК РСФСР, поскольку применение насилия не доказано. «Но необходимо учесть, что обвиняемых по делу двое, а преступление мог совершить один из них. Привлекая к уголовной ответственности обоих, можно признать обвиняемым и невиновного человека. Кроме того, акт мужеложства могли совершить между собой и потерпевшие. Очевидно, следователю ничего не остается делать, как прекратить дело за недоказанностью участия в совершении преступления всех перечисленных лиц. Однако по отношению к каждому возможному участнику совершения этих действий мы не можем сказать, в каком преступном деянии конкретно его участие не доказано. Дело в том, что в рассматриваемом случае достоверно установлено совершение преступления, предусмотренного ст. 121 УК РСФСР. Но в законе говорится о двух видах этого Преступления: сопряженном с насилием и без такового. При сложившихся же обстоятельствах можно сказать, что было совершено либо преступление первого вида, либо второго, и невозможно определить, какое именно.

Получается, что, с одной стороны, конкретное преступное деяние установлено лишь вероятно, а с другой — не доказано участие конкретных лиц в его совершении.

Рассматриваемый случай характеризуется наличием признаков как недоказанности события преступления, так и недоказанности участия лица в совершении преступления, которые здесь не совпадают.

Совпадение указанных признаков может быть там, где установление участия в совершении преступного деяния невозможно отделить от установления самого деяния и его преступного результата. Недоказанность участия лица в совершении преступления будет поглощаться доказанностью события преступления (например, по делам об изнасилованиях)²⁵. В случае же, когда не доказана только взаимосвязь действий и бездействий, такого совпадения нет, так как преступный результат установлен независимо от определения лиц, участвовавших в преступлении. Налицо недоказанность конкретного

преступления. Однако взаимосвязь этих действий или бездействий, а следовательно, и конкретное преступное деяние можно выявить, только установив участие конкретных лиц в их совершении. Поэтому правомерно в аналогичных описанному случаях разрешать дела на основании п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК. Во всех иных случаях это недопустимо.

Итак, для регулирования случаев недоказанности события преступления остается только одно реабилитирующее основание прекращения дела (оправдания) — неподтверждение доказательствами обвинения (ч. 2 ст. 349 УПК).

Как мы уже отмечали, данное основание, будучи по своему содержанию комплексным, необходимо включает в себя и недоказанность события преступления. По этой причине применение по аналогии ч. 2 ст. 349 УПК в сочетании с п. 1 ч. 2 ст. 309 УПК только и может решить вопрос о недоказанности события преступления как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства.

Надо сказать, что отсутствию единства в понимании и регулировании окончания дела производством ввиду, недоказанности события преступления способствует также и недостаточно четкое разграничение отсутствия события преступления и отсутствия состава преступления как оснований прекращения дела (оправдания)²⁶.

Событие преступления в уголовно-процессуальном смысле — это событие, обладающее всеми признаками состава преступления либо, во всяком случае, включающее объективную сторону состава, что означает поглощение понятия «отсутствие события преступления» понятием «отсутствие состава преступления». На практике это приводит к смешению соответствующих оснований прекращения дела (оправдания) и создает предпосылки для смешения данных оснований с недоказанностью события преступления и участия в нем определенного лица²⁷.

Чтобы избежать подобных последствий, в теории выдвинуто предложение изменить формулировку основания прекращения дела, предусмотренного п. 1 ст. 5 УПК, и изложить ее в следующей редакции: отсутствие события (или деяния), предположение о наличии которого послужило основанием возбуждения дела²⁸.

В целом данное предложение заслуживает поддержки, хотя в нем, на наш взгляд, следует полнее учесть, что под событием надо понимать фактические обстоятельства, соответствующие объективной стороне преступления.

Самого серьезного внимания заслуживает и уяснение сущности основания прекращения дела, предусмотренного п. 2 ст. 5 УПК.

Отсутствие состава преступления в строгом смысле нельзя считать процессуальным основанием прекращения дела (оправдания). Это всего лишь результат акта квалификации, юридический вывод, покоящийся на доказанности определенных обстоятельств, которые ошибочно предполагались преступными, образуя в действительности состав правомерного либо неправомерного, но не преступного поведения человека²⁹. Поэтому доказанность указанных обстоятельств означает отсутствие события преступления, участия вины в его совершении и делает нецелесообразным выделение отсутствия состава преступления как самостоятельного реабилитирующего основания.

Правовое регулирование прекращения дела (оправдания) ввиду недоказанности виновного совершения лицом инкриминируемого ему деяния, как правило, не вызывает больших сложностей, так как недоказанность участия лица в совершении преступления охватывает собой и недоказанность вины этого лица. Законодатель не учел лишь того, что при недоказанности вины определенного лица в совершении преступления может быть доказанным совершение им конкретных действий (бездействий). Поэтому для регулирования подобного случая недоказанности обстоятельств дела вполне применимы п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК.

Но не всегда такая аналогия бесспорна. Например, в этом вопросе разошлись мнения различных судебных инстанций по делу Р., который признан виновным в оказании работнику милиции сопротивления, сопряженного с насилием, при следующих обстоятельствах.

14 октября 1970 г. Р. в нетрезвом состоянии из хулиганских побуждений стучал в окно сторожевой будки ОРМ пос. Майна. Сторож Б. в помещение его непустила, и он нецензурно выругался в ее адрес. Около 24 часов в сторожевую будку вновь кто-то постучал. Б., полагая, что стучит Р., по телефону сообщила в милицию. По ее вызову прибыл сотрудник милиции М., которому Б. показала квартиру Р. М. пришел к Р. на квартиру и предложил пройти в отделение милиции. Вначале Р. согласился и стал закрывать дверь, но затем отказался выполнить требование работника милиции. Тогда М. и шофер Ф. применили в отношении Р. физическую силу. Р. оказал сопротивление работнику милиции, но тот связал ему руки и доставил в милицию.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда Хакасской автономной области приговор в отношении Р. отменила и дело прекратила за неподтверждением доказательствами предъявленного ему обвинения.

Заместитель прокурора РСФСР внес протест в судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР об изменении определения областного суда, так как дело в отношении Р. подлежало прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест удовлетворила, указав следующее: ни органы предварительного расследования, ни суд не установили, что ночью в сторожевую будку стучал именно Р. Свидетель Б. лишь предполагала, что это мог сделать он. При таких обстоятельствах действия работника милиции по задержанию Р. были неправомерными, а оказание сопротивления подобным действиям работника милиции не образует состав преступления, предусмотренный ч. 2. ст. 191 УК РСФСР. Поэтому дело подлежит прекращению не в связи с недоказанностью предъявленного обвинения, а за отсутствием в действиях Р. состава преступления³⁰.

На первый взгляд, доводы судебной коллегии весьма убедительны. Но если Р. действительно совершил преступление (а это, видимо, не исключено), то при противодействии работнику милиции он имел умысел на оказание сопротивления его правомерным действиям. Доказать же наличие такого умысла можно только установив совершение Р. хулиганства. Иначе говоря, по данному делу имеет место недоказанность умысла Р. оказать сопротивление работнику милиции. Следовательно, решение Хакасского областного суда было правильным. Что касается судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, то ее решение было бы правильным лишь при доказанности обстоятельств правомерного поведения Р. По данному же делу это предполагает доказанность предшествовавших сопротивлению работнику милиции хулиганских действий.

Существенные особенности имеет правовое регулирование прекращения дел в случаях непричастности лица к совершению преступления (неучастия в нем) и отсутствия вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Это проявляется в том, что фактически ни одна статья закона, предусматривающая реабилитирующие основания прекращения дела (оправдания), не применима для разрешения таких случаев,

Ст. 208, 309 и 349 УПК не могут применяться потому, что предусмотренные ими основания прекращения дела (оправдания) однородны указанным случаям только по правовым последствиям.

П. 1 ст. 5 УПК предусматривает отсутствие события преступления, в то время как данные случаи обязательно предполагают его наличие³¹.

Не может регулировать рассматриваемые случаи и п. 2 ст. 5 УПК. Во-первых, в силу того, что он означает наличие правомерного либо неправомерного, но непреступного поведения, которое ошибочно предполагалось преступным. Во-вторых, по той причине, что подразумевает целостность всех связей в поведенческом акте человека, в частности, связей «лицо—деяние» и «лицо — психическое отношение к деянию и последствиям». Приведенные же случаи, напротив, характеризуются наличием преступного поведения и разрывом всех связей между лицом и этим поведением, выражающимся как раз в отсутствии связей «лицо— деяние» и «лицо — психическое отношение к деянию и последствиям» (психическое отношение, присущее именно данному преступному поведению)³².

Таким образом, создается впечатление невозможности в точном соответствии с законом прекратить дело (оправдать) ввиду непричастности лица к совершению преступления и отсутствия вины лица в инкриминируемом ему деянии.

Но если лицо подлежит оправданию даже в случае недоказанности его причастности к преступлению, то тем более должен быть вынесен оправдательный приговор, когда непричастность установлена положительно³³. Тогда открывается возможность использования п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК для регулирования прекращения дела во всех случаях непричастности лица к преступлению и отсутствия его вины³⁴. Сказанное подтверждает и то, что случаи доказанности и недоказанности, о которых идет речь, относятся к одному обстоятельству — участию (неучастию) лица в совершении преступления (хотя и разграничиваемого нами применительно к объективной и субъективной сторонам преступления).

Итак, правовое регулирование отдельных случаев недоказанности обстоятельств дела на базе действующего законодательства вызывает определенные сложности. Это ведет к тому, что на практике и в теории нередко смешивают различные реабилитирующие основания прекращения уголовного дела (буквально отраженные и неотраженные в законе). В результате по данным статистики нельзя судить о подлин-

ной распространенности недоказанности как явления негативного в уголовном процессе, следовательно, затрудняется и борьба с этим явлением. Так, изучение уголовных дел, прекращенные следователями прокуратуры Октябрьского района г. Красноярска в 1976—1977 гг., показывает, что из 75 уголовных дел, оконченных производством за отсутствием события преступления, фактически подлежали прекращению за отсутствием состава преступления — 20,1%, недоказанностью события преступления — 4,7%; а из 72 дел; оконченных производством за отсутствием состава преступления, следовало прекратить за отсутствием события преступления — 25,5%, недоказанностью события преступления — 2,7%, недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления — 1,3%.

Все это вызывает настоятельную необходимость в совершенствовании уголовно-процессуального закона, с одной стороны, и в выработке общей и единообразной позиции суда, прокуратуры и МВД по вопросу о применении реабилитирующих оснований прекращения дела — с другой.

Совершенствование законодательства должно осуществляться в направлении четкого и ясного определения в законе:

а) недоказанности обстоятельств дела как основания для его окончания производством;

б) доказанности обстоятельств дела как основания для его окончания производством (если закон признает возможность недоказанности участия или неучастия лица в совершении преступления, то он тем более не может не признавать доказанности неучастия лица в преступлении).

В этой связи целесообразно, на наш взгляд, дополнить ч. I ст. 208 УПК двумя пунктами, в которых сформулировать такие основания прекращения уголовного дела:

непричастность обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления;

отсутствие вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния.

Выработка единой позиции компетентных органов в вопросе применения реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания) могла бы включать в себя следующие разъяснения:

1. Реабилитирующими основаниями прекращения дела (оправдания) являются такие обстоятельства, доказанность или недоказанность которых влечет признание определенно-го лица, неправомерно обвинявшегося или подозревавшегося

в совершении преступления, невиновным, либо признание события, наличие и преступный характер которого предполагался, непроступным или несуществующим.

2. Прекращение уголовного дела (оправдание) по реабилитирующим основаниям допускается: а при недоказанности участия подозреваемого в совершении преступления (п. 2 ст. 208 УПК); б. при недоказанности события преступления (п. 1 ч. 2 ст. 309 и ч. 2 ст. 349 УПК, за исключением случаев, когда не доказана только взаимосвязь конкретных действий или бездействий, преступный результат которых установлен независимо от определения лиц, участвовавших в преступлении; эти случаи разрешаются на основании п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК); в при недоказанности вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния (п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК); г при непричастности обвиняемого или подозреваемого к совершению преступления и отсутствию вины в совершении инкриминируемого ему деяния (и. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК) .

3. Следователям и судьям необходимо отражать в своих решениях о прекращении уголовного дела (оправдании) фактическое основание принятия такого решения и при этом делать ссылку на соответствующую статью УПК (юридическое основание).

Только при таких условиях, очевидно, можно рассчитывать на определенное единство практики прекращения уголовных дел (оправдания) по реабилитирующим основаниям, повышение уровня объективности данных судебной статистики, а значит, обеспечение максимальной эффективности работы правоохранительных органов и наиболее полное осуществление гарантированных Конституцией СССР прав граждан, провозглашенных XXVI съездом КПСС в качестве первоочередной задачи во всех сферах государственной и общественной жизни.

§ 3. Реабилитация граждан при окончании уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств

Окончание уголовного дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств непосредственно направлено на защиту чести и достоинства, восстановление нарушенных прав и законных интересов советских граждан, опороченных неправомерным обвинением или подозрением.

Это общепризнанное мнение³⁵. Но трактовка его различна, что особенно ярко проявилось в связи с совершенствованием формулировки основания прекращения уголовного дела (оправдания), предусмотренного п. 2 ст. 208 и п. 3 ч. 2 ст. 309 УПК (недоказанность участия обвиняемого или подсудимого в совершении преступления).

Одни авторы полагают, что нынешняя формулировка указанного основания не обеспечивает в достаточной мере реабилитацию опороченного обвинением или подозрением лица, ставит под сомнение его невиновность и соответственно этому должна быть усовершенствована, изменена³⁶. «Следует найти такую формулировку для п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК РСФСР, — пишет Р. Д. Рахунов, — которая не давала бы никакого повода считать, что человек, возможно, виновен, хотя его дело прекращено производством, или он оправдан судом при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления»³⁷.

Другие считают, что и нынешняя формулировка этого основания полностью удовлетворяет требованию направленности на реабилитацию³⁸.

На наш взгляд, здесь нужно иметь в виду следующее. Уже сам термин «недоказанность», не говоря об указании на невозможность дальнейшего доказывания, порождает сомнения в невиновности реабилитируемого лица. Действительно, если органы следствия не доказали участия определенного лица (подозреваемого или обвиняемого) в совершении преступления, значит, они плохо работали или преступник ввел их в заблуждение и в результате ушёл от ответственности. Ход этих рассуждений доступен каждому грамотному человеку (тем более — имеющему представление о сложности раскрытия преступления и последствиях допущенных при расследовании ошибок) и ведет, по существу, к оставлению подобным образом реабилитированного лица в подозрении. Не случайно А. Ф. Кони отмечал, что «прекращаемое следствие оставляет... в обществе все-таки тяжкое для освобождаемого от преследования воспоминание, нравственный вред которого может быть неисчислимым»³⁹.

Безусловно, наша мораль не может допустить, чтобы окончание дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств нанесло нравственный вред какому-либо лицу. Поэтому большинство авторов предлагает убрать из соответствующей формулировки закона признаки, характерные для недоказанности обстоятельств дела. При этом

конкретно рассматриваемое основание прекращения дела (оправдания) формулируется так:

- а) невиновность обвиняемого⁴⁰;
- б) обвиняемый не совершил преступления (невиновен)⁴¹;
- в) непричастность обвиняемого к совершению преступления⁴²;
- г) снятие с подсудимого обвинения как необоснованного⁴³;
- д) неустановление вины обвиняемого⁴⁴.

Нетрудно заметить, что все приведенные формулировки (за исключением последней, которая двусмысленна, ибо означает как доказанность, так и недоказанность вины) фактически исключают недоказанность участия лица в совершении преступления (как соответствующее основание), и их применение вызовет затруднения в разграничении реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания)⁴⁵. Следовательно, речь идет о том, чтобы скрыть от обвиняемого (подозреваемого) и общественности реальное состояние доказывания по делу. Тем более, что самостоятельного регулирования случаев доказанности неучастия в преступлении авторы этих формулировок не предусматривают⁴⁶. Или даже вообще предлагают исключить недоказанность участия лица в совершении преступления из числа оснований прекращения дела (оправдания) по причине ее равнозначности доказанности неучастия в преступлении⁴⁷.

Между тем законодатель, приняв на вооружение одну из перечисленных формулировок, пойдет на определенное искажение действительности, в то время как, очевидно, «закон не свободен от общей для всех обязанности говорить правду»⁴⁸, а значит, и от достижения правой цели правыми средствами. Как справедливо отмечал А. Ф. Кони, «цель не может оправдать средства... Высокие цели правосудного ограждения общества и вместе защиты личности от несправедливого обвинения должны достигаться только нравственными способами и приемами»⁴⁹.

Очевидно, решение проблемы состоит в другом.

По нашему мнению, причины оставления лица фактически в подозрении при прекращении уголовного дела (оправдании) за недоказанностью коренятся не в формулировке закона (хотя и она имеет значение), а в еще имеющем место отставании уровня индивидуального сознания от общественного⁵⁰. Поэтому для того, чтобы добиться несомненной реабилитации лица, опороченного подозрением или обвинением необоснованно, необходимо, во-первых, полное осущест-

вление в уголовном процессе требования о недопустимости отождествления обвиняемого (подсудимого) или подозреваемого с преступником; во-вторых, обеспечение в ходе реабилитации отношения к реабилитируемому как к добропорядочному гражданину (создание особого психологического климата доброжелательности и доверия к этому лицу)⁵¹; в-третьих, активное воздействие органов следствия, прокуратуры и суда на формирование благоприятного общественного мнения о реабилитированном лице и борьба с предвзятостью применительно к такому лицу со стороны каких-либо организаций, должностных лиц или коллективов⁵². И было бы неверно полагать, что решить все эти вопросы можно путем отказа от формулирования в законе недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела.

И. А. Либус видит выход из создавшегося положения в устранении недоказанности фактических обстоятельств дела как основания реабилитации из процессуальных документов, влияющих на использование гражданином своих субъективных прав (не оглашать в суде описательно-мотивировочную часть оправдательного приговора, не выдавать на руки копию постановления о прекращении дела, ввести единую справку о реабилитации, в которой не приводятся мотивы оправдания и не указываются его конкретные основания, и т. п.)⁵³.

Однако это предложение не учитывает нравственный вред, вызываемый прекращаемым следствием (оправданием) вообще, независимо от оснований реабилитации, которые, по мысли И. А. Либуса, не должны конкретизироваться. Они могут порождать у отдельных граждан и должностных лиц такие же подозрения в виновности реабилитируемого, как я при недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела.

Реабилитация обвинявшегося или подозревавшегося в совершении преступления лица — проблема не только уголовно-процессуальная. Она касается и гражданского судопроизводства, например, опротестование прокурором решения администрации об увольнении с работы лица, принятого по мотивам недоказанности его участия в преступлении.

Сказанное, конечно, не означает, что невозможно вообще какое-либо совершенствование формулировок оснований прекращения дела (оправдания) за недоказанностью с целью более четкого выражения ими своего реабилитирующего

характера. В наибольшей мере этому должно служить восприятие УПК РСФСР основного содержания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 мая 1981 г. "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей" и Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда.

- ¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1978, с. 158, 499, 759, 792; Словарь русского языка / Под ред. Л. Л. Кутиной, В. В. Замковой.— М., 1961, т. 4, с. 642.
- ² См.: § 2, гл. 1 данной работы.
- ³ Возникновение недоказанности применительно к другим обстоятельствам не влияет на решение дела по существу и влечет иные последствия. См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.—М., 1968, т. 1, с. 358—360;
- ⁴ Иное мнение, согласно которому в данном случае речь идет только о недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, обосновано В. Г. Заблочким. См.: Заблочкий В. Г. Основания постановления оправдательного приговора. —Науч. тр. / Иркут. ун-т, 1971, сер. юрид., вып. 11, т. 81, ч. 4, с. 120—122.
- ⁵ См.: § 2, гл. 1 данной работы.
- ⁶ См.: Строгович М. С. Истина оправдательного приговора. — В кн.: Проблемы судебной этики. М., 1974, с. 95—96.
- ⁷ См.: Лукашевич В. З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям.—Правоведение, 1968, № 4, с. 52.
- ⁸ См.: Шимановский В. В» Частичное прекращение уголовного дела.— Соц. законность, 1980, № 12, с. 50—51.
- ⁹ См.: М. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. Очерк развития науки советского уголовного процесса.— Воронеж, 1980, с. 169.
- ¹⁰ См.: Якубович Н. А. Окончание предварительного расследования.—М. 1962, с. 101-102.
- ¹¹ См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса.— Науч. тр. / Иркут. ун-т, 1969, сер. юрид., вып. 8, т. 45, ч. 4, с. 23—24.
- ¹² Не все авторы разделяют позицию законодателя по этому вопросу. См.: Гальперин И. М., Лукашевич В. З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву.—М., 1965, с. 126; Советский уголовный процесс /Под ред. Д. С. Карева.—М., 1965, с. 278; и др.
- ¹³ См.: Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях..., с. 105.
- ¹⁴ См.: Дубинский А. Я. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования.— Киев, 1975, с. 65—66.

- ¹⁵ См.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе.—Л.: Изд-во ЛГУ, 1959, с. 33—34.
- ¹⁶ См.: Мотовиловер Я. О. Основания прекращения дела по реабилитирующим лицо мотивам.— Сов. гос-во и право, 1972, № 9, с. 89—92. Необходимо отметить, что недоказанность события преступления была предусмотрена еще УПК РСФСР 1922 г. в качестве основания прекращения дела.
- ¹⁷ См.: Давыдов П. М., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе.— М., 1963, с. 63—64; Заблоцкий В. Г. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук.—Иркутск, 1971, с. 19, и др.
- ¹⁸ См.: § 3 гл. 1 данной работы.
- ¹⁹ См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса.—М., 1968, т. 1, с. 40—50; Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права.— Л., 1963, с. 162.
- ²⁰ См.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе.—Л., 1959, с. 33—34; Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе.— Минск, 1969, с. 41; Безлепкин Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебноследственными органами.—М., 1979, с. 144—145; и др.
- ²¹ См.: Лукашевич В. З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям — Правоведение, 1968, № 4, с. 53; Мотовиловер Я. О. Основания прекращения уголовных дел по реабилитирующим лицо мотивам.— Сов. гос-во и право, 1972, № 9, с. 89—91; Степанов В. Г., Шимановский В. В. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования.—Л., 1979, с. 9; и др.
- ²² См.: Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР.—М., 1966, с. 264—265.
- ²³ На это обращает внимание В. З. Лукашевич, критикующий приведенное выше указание Прокуратуры СССР. См.: Лукашевич В. З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного..., с. 53.
- ²⁴ См.: Архив прокуратуры Октябр. р-на г. Красноярска, 1975.
- ²⁵ См.: Дубинский А. Я. Прекращение уголовных дел в стадии предварительного расследования.— Киев, 1975, с. 50—51.
- ²⁶ См.: Карнеева Л. Прекращение уголовного дела за отсутствием события и состава преступления.— Соц. законность, 1970, № 5, с. 51—54; Мотовиловер Я. О. Основания прекращения уголовных дел по реабилитирующим лицо мотивам, с. 72; и др.
- ²⁷ См.: Тарасов-Родионов П. И. Предварительное следствие.— М., 1955, с. 236; Давыдов П. М., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе, с. 62.
- ²⁸ См.: Карнеева Л. Прекращение уголовного дела за отсутствием события и состава преступления, с. 54; Мотовиловер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства.— Томск, 1966, с. 72—73.
- ²⁹ Этим как раз объясняется несостоятельность точки зрения о возможности недоказанности состава преступления. См.: Безлепкин Б. Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук.—М., 1972, с. 7 и др.
- ³⁰ Бюл. Верхов. Суда РСФСР, 1972, № 1, с. 6.

- ³¹ Иное мнение высказал Н. И. Гапанович. См.: Гапанович И. И. Отказ в возбуждении уголовного дела.— Минск, 1967, с. 17.
- ³² Поэтому неправы авторы, которые считают возможным разрешение этих случаев в рамках п. 2 ст. 5 УПК. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1969 года: Комментарий.— Л., Г962, с. 206; Михайленко А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе.— Саратов, 1975, с. 64; Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту.— М., 1957, с. 197—198; и др.
- ³³ Причем обратное вряд ли является логически состоятельным. Аналогичные рассуждения по поводу недоказанности события преступления см.: Мотовиловкер Я. О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, с. 13.
- ³⁴ См.: Бажанов М. И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. Дис... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1967, с. 21; Резник Г. Оправдание за недоказанностью.— Сов. юстиция, 1969, № 1, с. 11; Маликов М. Ф. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук.— Казань, 1974, с. 12; Скворцов Н. Н. Оправдательный приговор и прекращение дела в суде по реабилитирующим основаниям в советском уголовном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук.— М., 1971, с. 11; и др.
- ³⁵ См.: Проблемы судебной этики / Под ред. М. С. Строговича— М., с. 102; Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе.— Л., 1959, с. 97; и др.
- ³⁶ Арсеньев Б. Я. Обжалование оправдательного приговора. — Советская юстиция, 1942, № 15, с. 8; Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства.— Кемерово, 1962, с. 15—16; Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства.— М., 1975, с. 145; и др.
- ³⁷ Рахунов Р. Д. Только истина.— Известия, 1968, 21 янв.
- ³⁸ См.: Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— В кн.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР.— М., 1959, с. 137; Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. — Казань, 1969, с. 159; и др.
- ³⁹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы.— СПб., 1913, с. 100—101.
- ⁴⁰ См.: Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе, с. 97.
- ⁴¹ См.: Савицкий В. М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию.— Сов. гос-во и право, 1965, № 9, с. 51; Ларин А. М. Презумпция невиновности.— М., 1982, с. 101.
- ⁴² Иванов Ю. А. Некоторые вопросы дальнейшего совершенствования советского уголовно-процессуального законодательства. - Вест. МГУ, сер. 12. Право, 1967, № 4, с. 33.
- ⁴³ См.: Пашкевич П. Ф. Изменять ли процессуальные нормы о судебном приговоре?— Учен. зап. ВИННИСЭ, 1969, вып. 18, с. 169—171.
- ⁴⁴ Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, с. 64—69.
- ⁴⁵ См.: Грошевой Ю. М. Сущность Судебных решений в советском уголовном процессе.— Харьков, 1979, с. 129.

- ⁴⁶ В этой связи небезынтересно отметить, что УПК ВНР предусматривает прекращение предварительного производства как в случаях, когда не установлено, кто совершил преступление (при условии, что продолжение расследования не может быть результативным), так и в случаях, когда установлено, что преступление совершено не обвиняемым, См.: Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. — М., 1978, с. 194.
- ⁴⁷ См.: Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М., 1979, с. 311, 315.
- ⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 122.
- ⁴⁹ Кони А. Ф. Собр. соч.— М., 1967, т. 4, с. 66.
- ⁵⁰ Очевидно, это и имел в виду А. Ф. Кони, когда отмечал, что об оправданном по суду «сначала скажут: «Да, но его оправдали», — а потом будут говорить: «Он за что-то судился», а затем: «У него было какое-то грязное дело, за которое он был под судом», — и честное, быть может, имя человека будет навсегда замазано». См.: Кони А. Ф. Собр. соч. — М., 1967, т. 4, с. 423.
- ⁵¹ Для этого предлагается, например, направлять дело в суд специально для реабилитации. См.: Безлепкин Б. Т. Право обвиняемого на судебную защиту чести. — Сов. гос-во и право, 1981, № 2, с. 144.
- ⁵² См.: Петрухин И. Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса.— Сов. гос-во и право, 1978, № 12, с. 26.
- ⁵³ Либус И. А. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела -(оправдание).— Сов. гос-во и право, 1981, № 7, с. 64—65.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы

1. Недоказанность обстоятельств уголовного дела — одна из характеристик уголовно-процессуального доказывания, выражающая его состояние (качественную определенность).

Состояние недоказанности фактических обстоятельств дела:

а) отражает достижение лишь вероятного уровня знания этих обстоятельств (как следствие неорганизованности или дезорганизованности системы «процессуальные действия - доказательства»);

б) означает невозможность дальнейшего доказывания в данном случае (как следствие отсутствия необходимого соотношения предмета и пределов доказывания);

в) влечет прекращение уголовного дела и оправдание (как следствие невозможности фактического и необходимости юридического завершения доказывания).

2. Недоказанность должна рассматриваться применительно к обстоятельствам предмета доказывания, который может быть представлен в виде определенной взаимосвязи элементов, соотносимых с юридическими признаками состава преступления.

Необходимыми и существенными для определения предмета доказывания являются три связи указанных элементов, в соответствии с которыми можно выделить следующие случаи недоказанности:

а) недоказанность связи «лицо — психическое отношение к деянию и его последствиям» (субъективной стороны) при доказанности взаимосвязи «лицо — деяние — объект—последствия»;

б) недоказанность связи «лицо — деяние» (субъекта) при доказанности связи «деяние — последствия»;

в) недоказанность связи «деяние—последствия» (объективной стороны).

3. Состояние недоказанности обстоятельств дела характеризуется определенными пределами доказывания, при которых выводы следствия и суда соответствуют невозможности продолжения познания объективной действительности в конкретном случае.

Такое состояние: а) отражает достигнутый по уголовному делу уровень знания не только обстоятельств совершения преступления (события преступления, виновности), но и обстоятельств его несовершения (Отсутствия события преступления, невиновности); б) в познавательном аспекте неравнозначно состоянию доказанности обстоятельств дела; в) предполагает действие процессуального правила о толковании сомнений в пользу обвиняемого; г) означает признание (провозглашение) наличия тех обстоятельств, в отношении которых оно возникло; д) юридически является основанием завершающего доказывание процессуального решения.

4. Существуют факторы, порождающие дезорганизацию доказывания (системы «процессуальные действия — доказательства»). Негативное их воздействие нельзя полностью устранить, но можно существенно ограничить.

Дезорганизация доказывания может повлечь недоказанность обстоятельств дела. Недоказанность обстоятельств дела есть результат действия не одного, а многих факторов (и вызываемой ими дезорганизации доказывания) как внутреннего, так и внешнего порядка (по отношению к сфере уголовного судопроизводства), как объективных, так и субъективных (по характеру своего проявления).

Преодоление (предотвращение) негативного воздействия различных факторов во многом зависит от субъектов доказывания (компетентных органов). Поэтому своевременное устранение компетентными органами Дезорганизации доказывания, как правило, вызывает невозможность ее устранения, создавая тем самым непреодолимое препятствие достижению истины по уголовному делу.

Выявление такой дезорганизации — сигнал о некотором неблагополучий в работе данного лица или органа, ответственного за ведение процесса, основание для детальной проверки их деятельности.

К числу наиболее опасных факторов, влекущих недока-

занность обстоятельств дела, относится неправомерная деятельность субъектов доказывания. Порождаемая этой деятельностью дезорганизация доказывания выражается в следующих нарушениях уголовно-процессуального закона:

- а) отсутствии необходимого взаимодействия между органами дознания, следствия и суда;
- б) небрежности и недоброкачественности производства процессуальных действий;
- в) непроведении или несвоевременном проведении необходимых процессуальных действий;
- г) несоблюдении конкретных предписаний закона при доказывании по делу.

5. Решающее значение для осуществления борьбы с нарушениями законности органами предварительного расследования и судом имеет прежде всего учет реальных результатов их работы, по которым только и можно судить о позитивном и негативном в правоохранительной деятельности и путях повышения ее эффективности.

Организации такого учета может способствовать использование следующей системы показателей, позволяющей в какой-то мере объективизировать оценку работы следователя или суда по делам, оконченным производством ввиду недоказанности их фактических обстоятельств.

недоброкачественное производство процессуальных действий;

несвоевременное проведение процессуальных действий;

неправомерное непроведение процессуальных действий;

привлечение в качестве обвиняемого (предание суду) лица, виновность которого в данном случае достоверно подтвердить нельзя;

составление обвинительного заключения (приговора) по делу о таком лице;

содержание под стражей этого лица;

избрание в его отношении иной меры пресечения;

производство процессуальных действий по делу, недоказанность фактических обстоятельств которого очевидна;

неизменность доказательственной основы для принятия решений о виновности лица (на момент, когда доказывание виновности еще возможно) и окончании уголовного дела производством за недоказанностью его фактических обстоятельств;

невыполнение указаний прокурора или суда, направлен-

ных на своевременное предотвращение или определение недоказанности обстоятельств дела.

6. Одной из важных гарантий обеспечения законных интересов граждан в уголовном процессе является четкое правовое регулирование окончания уголовного дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств. Непременное условие такого регулирования — полное и ясное выражение в законе характерных особенностей недоказанности обстоятельств дела как самостоятельной процессуальной категории.

В настоящее время указанное условие не соблюдено: а) нет единства терминологии, употребляемой для обозначения понятия «недоказанность»; б) не всегда соответствующая формулировка закона отражает или точно определяет факт невозможности дальнейшего доказывания; в) не во всех стадиях, где это необходимо, отражен или четко определен факт наличия трех обстоятельств, недоказанность которых препятствует успешному завершению доказывания; г) неоднозначно решен вопрос о правовых последствиях недоказанности обстоятельств дела; д) в УПК союзных республик существуют различия в регулировании недоказанности фактических обстоятельств уголовного дела.

7. Правовое регулирование окончания дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств вызывает определенные сложности, обусловленные наличием пробелов в действующем законодательстве. Это ведет к тому, что на практике и в теории нередко смешивают различные реабилитирующие основания прекращения уголовного дела (оправдания). В результате по данным официальной статистики нельзя судить о подлинной распространенности недоказанности обстоятельств дела как негативного явления в уголовном процессе, а следовательно, затрудняется и борьба с этим явлением.

Устранению причин недоказанности фактических обстоятельств дела может способствовать выработка единой позиции компетентных органов в вопросе применения реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания), а именно:

а) разъяснение того, что под реабилитирующим основанием прекращения дела (оправдания) понимаются такие обстоятельства, доказанность или недоказанность которых влечет признание определенного лица, неправомерно обвинявшегося или подозревавшегося в совершении преступления, неви-

новным, либо признание события, наличие и преступный характер которого предполагался, непреступным или несуществующим;

б) определение такого круга реабилитирующих оснований (кроме прямо указанных в законе): недоказанность события преступления, недоказанность и отсутствие вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния, недоказанность участия подозреваемого в совершении преступления и непричастность обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления;

в) рекомендация следователям и судьям отражать в своих решениях фактическое реабилитирующее основание (случай) прекращения дела (оправдания) и при этом делать ссылку на соответствующую статью в УПК как юридическое основание.

8. При окончании уголовного дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств возникает проблема реабилитации граждан в уголовном процессе. Эта проблема в плане совершенствования формулировок некоторых реабилитирующих оснований прекращения дела (оправдания) не может быть решена в ущерб правильному отражению в законе существенных признаков недоказанности обстоятельств уголовного дела.

Главное для реабилитации опороченного обвинением или подозрением лица: а) полное осуществление в уголовном процессе требования о недопустимости отождествления обвиняемого (подсудимого) с преступником; б) обеспечение отношения к реабилитируемому лицу как добропорядочному; в) активное воздействие компетентных органов на формирование благоприятного общественного мнения о реабилитированном лице и борьба с предвзятостью применительно к такому лицу со стороны каких-либо организаций, должностных лиц или коллективов.

Предложения по совершенствованию действующего законодательства

В плане поиска новых путей дальнейшего улучшения уголовно-процессуального закона можно было бы предложить:

1. Изменить редакцию ст. 208 УПК, сформулировав ее в следующем виде:

Уголовное дело прекращается при наличии оснований, указанных в пунктах 3—10 статьи 5 и статьях 6—9 настоящего Кодекса, а также:

- 1) при наличии оснований, указанных в пунктах 1 и 2 статьи 5 настоящего Кодекса;
- 2) непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления;
- 3) отсутствию вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния;
- 4) недоказанности события преступления;
- 5) недоказанности участия обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления;
- 6) недоказанности вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния.

В случаях недоказанности перечисленных обстоятельств уголовное дело прекращается, когда исчерпаны все возможности для собирания и исследования доказательств.

Если при наличии реабилитирующих оснований прекращения дела в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, следователь обязан принять все меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

2. Дополнить статью 209 УПК следующим положением (поместив его после ч. 1): «В постановлении о прекращении дела по основаниям, указанным в пунктах 4, 5, 6 части 1 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса, необходимо отражать, в чем заключается невозможность дальнейшего доказывания, причины образования недоказанности обстоятельств дела и что было сделано для их преодоления».

3. Изменить ч. 3 и 4 ст. 309 УПК, изложив их следующим образом:

Оправдательный приговор постановляется в случаях, указанных в пунктах 1 и 2 статьи 5 и пунктах 2—6 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

Если при наличии оснований для постановления оправдательного приговора в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, суд, по вступлении приговора в законную силу, направляет дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

4. Дополнить ч. 2 ст. 314 УПК таким положением:

в оправдательном приговоре суда, вынесенном по основаниям, указанным в пунктах 4—6 части 1 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса, необходим

мо отражать, в чем заключается невозможность дальнейшего доказывания, причины образования недоказанности обстоятельств дела и что было сделано для их преодоления.

5. Изменить редакцию ст. 349 УПК, изложив ее так:

Приговор суда подлежит отмене, а уголовное дело прекращению при наличии оснований и условий, указанных в статьях 5—9, а также пунктах 2—6 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

Если при наличии реабилитирующих оснований прекращения дела в отношении данного лица не исключена возможность дальнейшего доказывания, дело направляется прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

6. Дополнить ч. 1 ст. 379 УПК, сформулировав таким образом:

Основаниями к отмене или изменению приговора при рассмотрении дела в порядке судебного надзора являются обстоятельства, указанные в статье 342, а также в статьях 5—9, пунктах 2—6 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.— Н. С.) настоящего Кодекса.

7. Первое предложение ч. 2 ст. 387 УПК изложить в такой редакции:

При наличии обстоятельств, указанных в пунктах 1, 2 статьи 5 и в пунктах 2—6 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.—Н. С.) настоящего Кодекса, прокурор своим мотивированным постановлением прекращает производство.

8. Дополнить ст. 389 ч. 2 следующего содержания:

Основаниями к отмене приговора, определения или постановления суда являются обстоятельства, указанные в статье 384, а также в статьях 5—9 и в пунктах 2—6 части 1 и части 2 статьи 208 (в предлагаемой редакции.—Н. С.) настоящего Кодекса.

Предложения по применению действующего законодательства

Учитывая наличие определенных пробелов в законодательном регулировании окончания уголовного дела производством ввиду недоказанности его фактических обстоятельств, следователям (судьям) можно было бы рекомендовать прекращать дела (оправдывать):

1) при недоказанности участия подозреваемого в совер-

шении преступления — на основании п. 2 ст. 208 УПК;

2) при недоказанности события преступления — на основании п. 1 ч. 2 ст. 309 и ч. 2 ст. 349 УПК (за исключением случаев, когда не доказана только взаимосвязь конкретных действий или бездействий, преступный результат которых установлен независимо от определения лиц, участвовавших в преступлениях; эти случаи регулируются на основе п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309);

3) при недоказанности вины обвиняемого (подозреваемого) в совершении инкриминируемого ему деяния — на основе п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК.

4) при непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления и отсутствию его вины в совершении инкриминируемого ему деяния — на основе п. 2 ст. 208 и п. 3 ст. 309 УПК.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Понятие недоказанности обстоятельств уголовного дела.	
§ 1. Уголовно-процессуальное доказывание и недоказанность обстоятельств уголовного дела	6
§ 2. Предмет доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела	15
§ 3. Пределы доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела	22
Глава II. Причины недоказанности обстоятельств уголовного дела и их устранение в уголовном процессе	
§ 1. Понятие и виды причин недоказанности обстоятельств уголовного дела	32
§ 2. Неправомерное поведение субъектов доказывания и недоказанность обстоятельств уголовного дела	40
§ 3. Совершенствование работы органов предварительного расследования и суда и недоказанность обстоятельств уголовного дела	51
Глава III. Окончание уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств	
§ 1. Общие вопросы правового регулирования окончания уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств	67
§ 2. Особенности правового регулирования окончания уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств	76
§ 3. Реабилитация граждан при окончании уголовного дела производством ввиду недоказанности его обстоятельств . . .	87
Заключение.	95